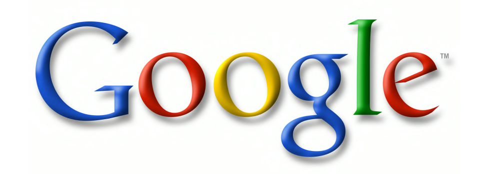
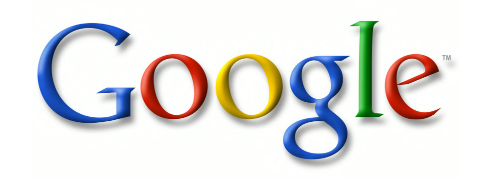
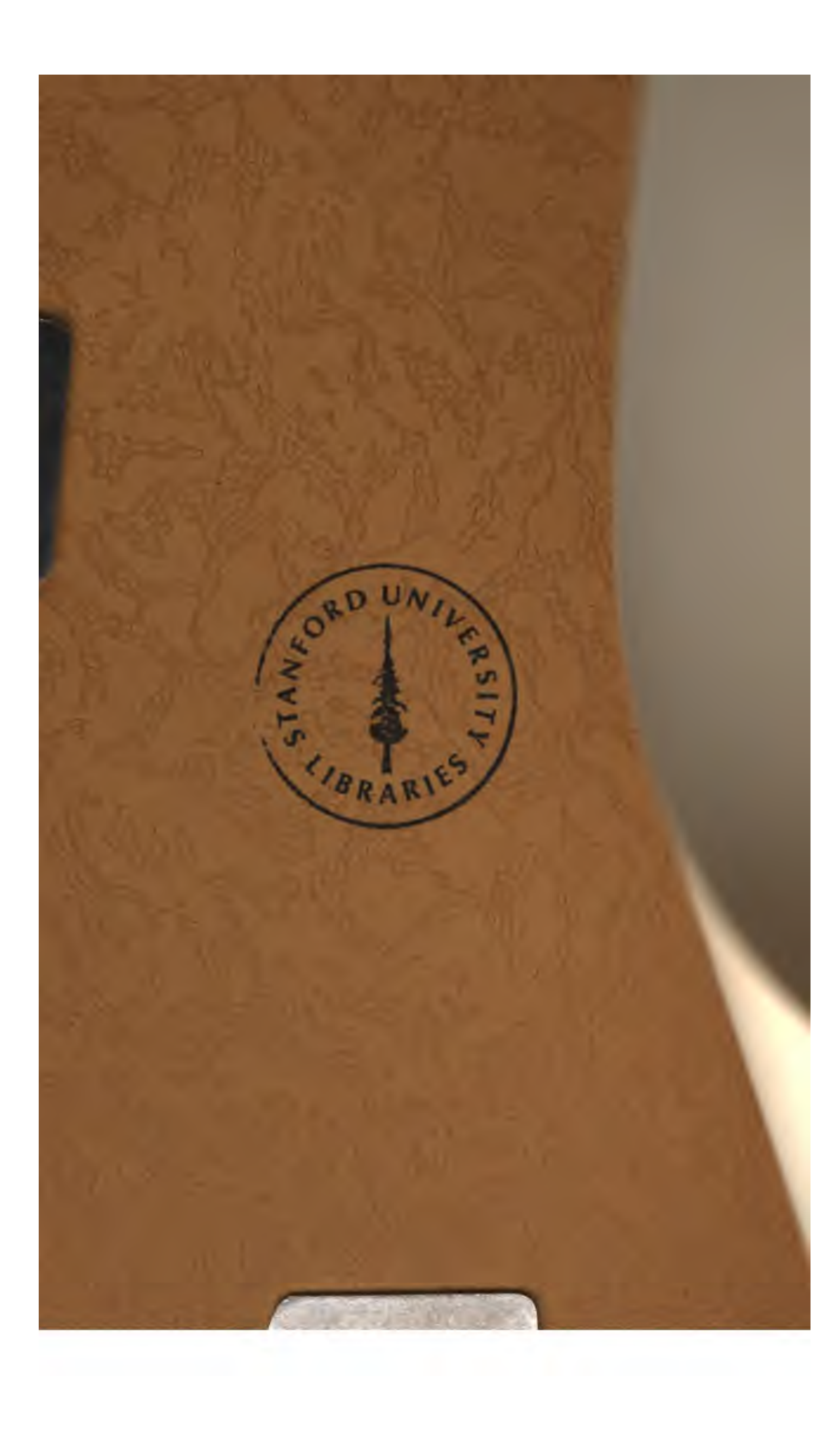

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Pobedonostsev, K. P.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ о ПОЧИВШИХЪ.

Изданіе
К. П. Побѣдоносцева.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, января 5-го дня 1896 года.

Великая Княгиня Елена Павловна.

† 9-го января 1873 года.

Свѣтлая звѣзда скатилась съ нашего небосклона. Многіе осиротѣли у насъ, точно дѣти, потерявшія мать — ищутъ и не находятъ и плачутъ. Великая Княгиня Елена Павловна преставилась въ вѣчность.

Благословенна будетъ память Ея во всей Россіи; но Ею облагодѣтельствованные будутъ носить въ сердцѣ свѣтлый Ея образъ, покуда живы, со скорбью, что потеряли Ее, съ любовью и благодарнымъ сознаніемъ, что знали Ее и видѣли въ жизни.

Въ нынѣшнемъ году, въ сентябрѣ, исполнится 50 лѣтъ съ того дня, какъ Она въѣзжала въ Россію молодою Принцессой и началась Ея многообразная и плодотворная дѣятельность для Россіи. Съ этого дня огонь, теплившійся въ душѣ 15-лѣтней дѣвицы, живой, воспріимчивой, впечатлительной, сталъ разгараться и зажигать около себя, вверху и внизу, другіе огни; завязавшаяся въ Ней мысль стала входить въ силу и

возбуждать мысль всюду, гдѣ только мѣсто мысли живой и дѣятельной. Ея красота, физическая, умственная и нравственная, съ умѣньемъ обласкать, приблизить къ себѣ, одушевить, стала безсознательно очаровывать всѣхъ, кого вводила Она въ кругъ Своей мысли. Кто зналъ и не любилъ Её? Кто искавшій у Нея помощи на дѣло добра—былъ Ею отринутъ? Кто, входя въ кругъ Ея, не подчинялся Ея обаянію и не чувстовалъ себя возбужденнымъ и подвигнутымъ въ глубинѣ духовной своей природы? Вся Она исполнена была жизни и мысли: возбуждая все около Себя, Она сама отовсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія, стремясь всякую истинную и плодотворную мысль превратить въ дѣло и на всякое дѣло поставить людей, разумѣющихъ его и по немъ ревнующихъ. Окруженная блескомъ и роскошью двора и восторженною преданностью многихъ, но много испытавшая борьбы и горя, Она ни на минуту не отдавалась нѣгѣ Своего положенія, ни на минуту *духа не угашала въ Себѣ*—до послѣдняго дня Своей жизни. И поистинѣ, у смертнаго одра Ея просится на уста, въ поученіе живымъ, апостольское слово: *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще.*

Испытавшіе жизнь знаютъ, какъ много значитъ, сколько можетъ распространить добра около себя подобная натура и въ обыкновенномъ общественномъ положеніи.

Сила творитъ силу, сила вызываетъ силу, сила отъ силы зачинается въ мірѣ духовныхъ соотношеній. Но Усопшая стояла въ жизни на внѣшней высотѣ, на широкомъ мѣстѣ, откуда всѣмъ было Ее видно, и откуда Ея вліяніе могло распространяться на широкомъ полѣ. И подлинно, въ лицѣ Ея объявлялось и оправдывалось предо всѣми высокое и благодѣтельное общественное значеніе *сана*. Она носила Свой санъ достойно и праведно, и все богатство души и внѣшнихъ благъ, дарованное Ей Промысломъ, расточила не Себѣ, но людямъ и дѣлу, которому служила.

Еслибъ можно было припомнить и вызвать всѣхъ Ею облагодѣтельствованныхъ, какой многочисленный сонмъ сталъ бы у Ея гроба! Сколько талантовъ отыскала Она, ободрила, воспитала, вывела на свѣтъ и въ дѣятельность! Много сыщется именъ, славныхъ или извѣстныхъ въ наукѣ и искусствѣ,—связанныхъ съ Ея именемъ, выросшихъ подъ Ея покровительствомъ. Стоило Ей только услышать, что въ томъ или другомъ безвѣстномъ углу проснулось дарованіе и нуждается въ поддержкѣ, въ средствахъ къ образованію, какъ уже рука Ея готова была дать, а главное, готово было въ сердцѣ Ея нетерпѣливое желанье—призвать, увидѣть, разспросить человѣка, живымъ словомъ Своимъ ободрить его, поднять его на высоту и отпустить возбужденнаго, веселаго, съ вѣрою въ свое призваніе, съ отраднымъ сознаніемъ сочувственной силы! Сколько

найдется общественныхъ и государственныхъ дѣятелей послѣдняго 25-ти-лѣтія, которыхъ Она первая узнала, приблизивъ ихъ къ Себѣ, и вывела на дѣло Своимъ покровительствомъ и Своимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ. Сколько разъ — обиженнымъ, оклеветаннымъ, несчастнымъ помогала Она Своимъ высокимъ вліяніемъ и заступничествомъ возстановить правду свою и найти доступъ къ милости! Наконецъ, сколько бѣдныхъ благословляли и благословляютъ имя Ея за вѣдомыя Единому Богу личныя Ея благодѣянія!

Но Она не довольствовалась личными благодѣяніями. Благотворительность Ея проникнута была мыслью утвердить доброе дѣло, провесть его въ общество, положить въ немъ зерно прочнаго, непрерывно дѣйствующаго общественнаго учрежденія, поставить его *разумно*. И когда, по мысли Ея, дѣйствіемъ Ею самою выбранныхъ и возбужденныхъ людей возникало учрежденіе, съ какимъ неутомимымъ вниманіемъ слѣдила Она за ходомъ его, вникая во всѣ подробности, осматривая, разспрашивая, поддерживая во всѣхъ дѣятеляхъ силу духовную!

Нерусская по рожденію, Она положила сердце въ новомъ Своемъ отечествѣ и посвятила Россіи всю Свою дѣятельность. Всѣ великія событія внѣшней и внутренней жизни русскаго государства отзывались у Ней въ сердцѣ глубоко, вызывали въ Ней живое, дѣятельное участіе, и со многими изъ нихъ, въ са-

мыя знаменательныя эпохи новѣйшей исторіи, связано Ея имя.

Стоитъ припомнить, въ эпоху восточной войны и осады Севастополя, съ какой неутомимою ревностью двинулась Она на помощь раненымъ и больнымъ, посредствомъ Ею созданной и одушевленной Крестовоздвиженской общины; и когда нибудь безпристрастная исторія обнаружитъ вполнѣ, какая доля участія принадлежитъ Ей въ успѣшномъ приведеніи къ концу великаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Для общества Она была свѣтлымъ центромъ умственнаго одушевленія, и собранія, бывшія въ Ея гостиныхъ, надолго останутся въ памяти у всѣхъ, кто ищетъ въ бесѣдѣ свѣтлаго, праздничнаго возбужденія мысли, отрезвленія отъ будничной жизни. У Нея можно было встрѣтить всѣхъ пріѣзжавшихъ изъ внутренней Россіи или изъ-за границы людей, чѣмъ либо замѣчательныхъ въ служебной и общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ искусствѣ. Всякаго Она умѣла приблизить къ себѣ, всякаго Она поднимала на свою высоту, со всякимъ умѣла вести рѣчь именно о томъ, въ чемъ онъ полагалъ свое дѣло; всякій уходилъ отъ Нея съ сознаніемъ Ея высокаго достоинства и не съ приниженнымъ, но съ возвышеннымъ самосознаніемъ. Въ Ея кругу, около Нея свѣтло было, духовно и чисто. Многіе на Нее *озирались*. Многіе про себя думали: что̀ *Она* подумаетъ? какъ *Ей* покажется? Для

многихъ и то уже великое горе, если послѣ Нея не на кого будетъ озираться!

И Ея уже нѣтъ! Еще такъ недавно, въ концѣ декабря, въ день Ея рожденья, собравшись къ Ней, старые друзья и слуги видѣли привѣтливый взглядъ, слышали Ея привѣтливое слово. Еще можно было обманываться и надѣяться, еще видна была въ Ней, сквозь болѣзненную усталость, прежняя Ея живость, казавшая Ее молодою передъ старыми Ея сверстниками. И вотъ, 9-го января судилъ Богъ тѣмъ же людямъ собраться въ слезахъ и въ таинственномъ молчаніи у бездыханнаго Ея тѣла.

Горькая потеря! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ яснѣе станутъ выступать для насъ достоинства Усопшей—и все, что мы потеряли въ Ней. Она уже *взята отъ земли;* но какъ сложились, по кончинѣ, въ ровную, спокойную красоту черты лица Ея, живыя и подвижныя, такъ сложится на вѣчную Ей память милый Ея образъ, величавый, сіяющій мыслію о всемъ высокомъ и добромъ.

Надежда Павловна Шульцъ.

† 12-го сентября 1877 года.

12-го сентября въ Царскомъ Селѣ скончалась, 84-хъ лѣтъ отъ роду, достойная женщина, коей имя должно остаться на вѣки памятнымъ въ скудномъ спискѣ лицъ, разумно, съ любовью и плодотворно трудившихся на пользу русскаго просвѣщенія въ истинномъ его смыслѣ.

Надежда Павловна Шульцъ происходила изъ семейства *Шиповыхъ,* возраставшаго для Россіи не мало добрыхъ русскихъ дѣятелей. Имѣя отъ природы доброе и нѣжное сердце, съ практическимъ хозяйственнымъ умомъ, и получивъ въ благочестивой семьѣ своей истинно—христіанское воспитаніе, Надежда Павловна съ первой юности, повсюду, гдѣ ни приходилось ей жить, привыкла прилагать, забывая о себѣ, все сердце свое къ заботѣ о другихъ, кто около нея требовалъ заботы. Своя семья была для нея первою школой педагогіи: здѣсь, завѣдывая воспитаніемъ младшихъ братьевъ, научилась она здравымъ началамъ и пріемамъ воспитательной дѣятельности.

По выходѣ въ замужество у ней возникла сво семья; но горячее сердце ея простирало свою забот далеко за предѣлы тѣснаго круга семейной жизн Всю раннюю пору свою провела она въ деревнѣ близко ознакомилась со всѣми условіями сельскаг быта, стало быть знала хорошо нужды народны въ числѣ коихъ на первомъ мѣстѣ духовныя нужд Кто, жившій въ деревнѣ, не знаетъ, что первая нужд овецъ—въ пастырѣ, а добрыхъ пастырей было вокруг мало. Надежда Павловна знала хорошо, каковы у нас условія воспитанія и цѣлаго быта сельскихъ священниковъ, знала по опыту, что при настоятельности ежедневныхъ нуждъ и при невыгодной обстановкѣ домашняго быта отъ самой колыбели, сельскому священник у насъ не трудно огрубѣть душою и утратить сознані высокаго своего призванія. Какъ пособить ему въ ег одиночествѣ, гдѣ онъ живетъ обыкновенно затерянный, въ отчужденіи и отъ грубой среды внизу, на которой самъ онъ нечеловѣческими усиліями долженъ еще поднимать первобытную новь и распахивать пашню никѣмъ не тронутую, и отъ среды помѣщичьей, отъ которой онъ отдѣляется предразсудками сословнаго быта и воспитанія. Пособить ему въ этихъ обстоятельствахъ, освѣтить ему жизнь, раздѣлить съ нимъ бремя, можетъ только вѣрная помощница—жена. Но жены сельскихъ священниковъ бывали, какъ извѣстно, ниже мужей своихъ по воспитанію и образованію, и самый бракъ,

большею частью, становился, къ сожалѣнію, не дѣломъ сердечнаго и разумнаго выбора, а необходимымъ средствомъ къ полученію мѣста. Итакъ, надобно было еще *сотворить ему помощницу*. Вотъ мысль, которая овладѣла горячею душой Надежды Павловны: утвердить въ духовномъ сословіи прочныя основы семейнаго быта; приготовить въ средѣ этой семьи будущихъ дѣятелей народнаго образованія; устроить такія учрежденія, въ которыхъ дѣвицы духовнаго званія получали бы прочное воспитаніе, въ началахъ вѣры, добра и нравственности, въ высокой мысли о своемъ призваніи. Священнику некогда заботиться объ устройствѣ дома и о ежедневныхъ нуждахъ: надобно, чтобы жена его была хозяйкою. Надобно, чтобы жена его могла быть сама учительницею дѣтей своихъ, и въ потребномъ случаѣ помощницею мужа въ народномъ обученіи.

Внезапное горе, постигшее молодую еще женщину — кончина мужа — обратило ее совершенно къ воспитанію дѣтей и къ *этой* благодѣтельной мысли, въ которой всѣ ея заботы и желанія раздѣляла съ ней — другъ ея и сестра, дѣвица Елизавета Павловна Шипова. Вскорѣ представился случай осуществить эту мысль на дѣлѣ, при горячемъ покровительствѣ и содѣйствіи Великой Княгини Ольги Николаевны, впослѣдствіи королевы Виртембергской. Такъ были основаны два первыя училища дѣвицъ духовнаго званія — одно въ Царскомъ Селѣ, подъ управленіемъ Надежды Павловны, другое въ Яро-

славлѣ, состоявшее подъ управленіемъ сестры ея, Елизаветы Павловны Шиповой. Оба заведенія съ тѣхъ поръ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ, и трудно исчислить, сколько принесли они добра Церкви и отечеству воспитаніемъ цѣлыхъ поколѣній, сколько посѣяли добрыхъ сѣмянъ нравственной силы, сколько внесли свѣта въ такую среду, которая до тѣхъ поръ почти не знала просвѣщенія.

И вотъ теперь—первоначальница этого добраго и патріотическаго дѣла, закончившая весь кругъ своей дѣятельности, какъ назрѣвшій и склонившійся отъ зеренъ колосъ, снята съ нивы,—въ житницу Господню. Буди вѣчная память ей: она сослужила вѣрную службу, какъ немногія, Богу, Церкви и возлюбленному своему отечеству.

Она не принадлежала къ тѣмъ представителямъ новѣйшей педагогіи, которые такъ ярко горятъ иногда чужимъ, заимствованнымъ огнемъ разноцвѣтныхъ теорій, методовъ и, такъ называемыхъ, новыхъ началъ обученія и просвѣщенія, которые изъ-за толковъ и положеній о томъ, *какъ* учить, забываютъ не рѣдко о томъ, *чему* учить, о томъ единомъ и существенномъ, чѣмъ созидается человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованный. Огонь, которымъ она горѣла, былъ у нея свой, и поддерживался до послѣдняго ея вздоха ея простою и горячею вѣрою, простою и неистощимою любовью, истиною здраваго смысла и прямого патріотическаго чувства. Какъ свѣтильникъ, она горѣла, и погасла тихо и мирно, какъ свѣтильникъ.

По разумному плану, положенному въ основаніе обученія, курсъ его былъ простой и несложный, безъ иностранныхъ языковъ: законъ Божій, чистописаніе съ рисованіемъ, русскій языкъ со славянскимъ, ариѳметика и исторія съ географіей, пѣніе и практическое домашнее хозяйство съ рукодѣльемъ. Въ послѣднее время къ этимъ предметамъ прибавлены еще физика съ естественной исторіей и начала педагогики. Этотъ курсъ проходился подъ непрестаннымъ руководствомъ и надзоромъ начальницы, съ замѣчательною основательностью, и воспитанницы, оставляя заведеніе, пріобрѣтали дѣйствительное и твердое знаніе. Законъ Божій и русскій языкъ служили особенно какъ бы двумя столпами всего знанія: начальница сама прошла добрую старую школу русскаго языка и словесности, и было бы желательно, чтобы всѣ дѣвицы, проходившія гораздо болѣе сложные и мудреные курсы въ институтахъ и гимназіяхъ, съ разными затѣями новѣйшей педагогіи, умѣли писать порусски такъ чисто и правильно, какъ воспитанницы Надежды Павловны. Оттого многія изъ нихъ показали себя на дѣлѣ отличными преподавательницами въ сельскихъ школахъ. Преподаваніе пѣнія велось всегда въ училищѣ съ такимъ успѣхомъ и такъ основательно, что многія воспитанницы, по выпускѣ, могли безъ труда сами вести это преподаваніе въ сельскихъ школахъ.

Въ нравственномъ отношеніи вліяніе такой женщины было неоцѣненное. Посвящая все время, всѣ за-

боты созданному ею училищу, она была въ немъ, какъ мать — посреди дѣтей. Эта женщина была доброты неописанной и несравненной чистоты и ясности душевной. Русская въ біеніи каждой жилки, въ каждомъ представленіи и сознаніи, она могла перелить въ каждую душу ту любовь къ отечеству, которая ее одушевляла. А главное, знавшимъ ее трудно себѣ представить другую, подобную ей душу, въ которой съ такою простотой и ясностью отражались бы красота всякаго добра и безобразіе зла и лжи всякаго рода. Можно себѣ представить, какъ благодѣтельно должно было дѣйствовать это чистое зеркало на всѣхъ, кто могъ въ него смотрѣться. Въ кроткой улыбкѣ покойной Надежды Павловны, въ ясномъ и глубокомъ взглядѣ голубыхъ ея глазъ, была неотразимая сила, которая будила совѣсть и успокоивала въ душѣ всякое мятежное волненіе...

Въ воспитаніи своихъ дѣвицъ Надежда Павловна преслѣдовала неуклонно высокую задачу. Она горячо оспаривала мысль, которую иные заявляли ей, что не нужно такъ много работать надъ умственнымъ ихъ образованіемъ, чтобъ развитіе ихъ было не выше того быта, изъ котораго онѣ вышли и для котораго предназначены. «Нѣтъ,— отвѣчала она,— я не посвятила бы этому дѣлу всю свою жизнь и всѣ силы, когда бы оно должно было ограничиться только приготовленіемъ домашнихъ хозяекъ. Онѣ готовятся быть хозяйками,— но не это, въ глазахъ моихъ, главная цѣль ихъ обра-

зованія. Я ставлю, прежде всего, своимъ долгомъ — просвѣтить умъ своихъ воспитанницъ, утвердить у нихъ въ сердцѣ горячее желаніе приносить пользу и дѣлать добро на всякомъ мѣстѣ, гдѣ ни случится имъ быть. Образованіе ихъ должно быть основательное и не скудное: если умъ въ нихъ не получитъ должнаго развитія, это отразится и на сердечныхъ качествахъ. Чѣмъ просвѣщеннѣе будутъ онѣ, тѣмъ лучше поймутъ, что никакое занятіе не ниже ихъ достоинства, если только можетъ приносить пользу». Въ системѣ воспитанія, которой держалась Надежда Павловна, все направлено было къ этой духовной цѣли. Такъ напр., она не допускала, чтобъ ея воспитанницы занимались работами для продажи. «Покуда онѣ въ училищѣ, говорила она, у нихъ и мысли не должно быть о какой нибудь личной прибыли отъ работы. Цѣль ихъ работъ должна быть безкорыстная: — желанье помочь, сдѣлать добро, принести пользу. Къ этому чувству тѣмъ болѣе необходимо пріучать ихъ, что на ту среду, изъ которой онѣ вышли, падаетъ обвиненіе въ алчности къ пріобрѣтенію, и когда онѣ вернутся туда, то должны подавать примѣръ любви и безкорыстнаго служенія добру». Вотъ почему Надежда Павловна старалась не пропускать случая, по поводу какого нибудь общественнаго бѣдствія, устраивать между своими дѣвицами работы въ пользу пострадавшихъ и возбуждать въ нихъ усердіе къ такой работѣ.

Вотъ въ какихъ идеальныхъ чертахъ эта чистая душа представляла себѣ тотъ образъ, которымъ одушевлялась ея педагогическая дѣятельность. «Вотъ какою люблю я,—писала она,—представлять себѣ нашу воспитанницу по выпускѣ изъ заведенія, въ ея жизни. Домъ ея служитъ образцомъ добрыхъ нравовъ, согласія, чистоты, порядка, благосостоянія. Мужъ ея, возвращаясь домой отъ служенія духовнымъ нуждамъ прихожанъ своихъ, находитъ желанный отдыхъ въ обществѣ жены своей; они бесѣдуютъ и читаютъ вмѣстѣ. Она не любитъ ходить по гостямъ, и выходитъ изъ дому, почти всегда имѣя въ виду дѣло любви и благотворительности. Слышитъ о больной по деревнѣ,—спѣшитъ подать возможную помощь. Слышитъ про бѣдность, про нужду, про горе,—идетъ утѣшить, пособить добрымъ словомъ или совѣтомъ. У самой нѣтъ средствъ помочь въ нуждѣ—идетъ просить у богатаго помѣщика, у сосѣда: женщину добрую и образованную примутъ, выслушаютъ охотно, послушаютъ». Иному этотъ идеалъ можетъ показаться идилліей: но какой идеалъ бываетъ вровень съ дѣйствительностью? Въ томъ и состоитъ высокое значеніе идеала, что онъ освѣщаетъ темную дѣйствительность, одухотворяетъ жизнь стремленіемъ къ высокой цѣли, а этотъ идеалъ добрѣйшей Надежды Павловны свѣтилъ ей въ теченіе цѣлой жизни и держалъ ее постоянно на высотѣ того святаго призванія, на которое она обрекла

себя. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что черты его отразились на многихъ питомицахъ, выпущенныхъ ею изъ заведенія, и остались въ жизни ихъ и дѣятельности священнымъ завѣтомъ доброй матери.

Заботы ея объ воспитанницахъ не оканчивались съ выпускомъ ихъ изъ заведенія. Она слѣдила за судьбою и дѣятельностью каждой; многія изъ нихъ постоянно вели съ нею переписку, сообщая ей извѣстія о перемѣнахъ судьбы своей и о своей дѣятельности, искали у нея совѣта, опоры, помощи въ нуждахъ всякаго рода, и на всякій запросъ отзывалась ея горячая душа сочувственнымъ словомъ, содѣйствіемъ, помощью. По всей Россіи, особливо на сѣверѣ, въ городахъ и селахъ разсѣяно множество бывшихъ воспитанницъ Царскосельскаго училища, которымъ Надежда Павловна управляла 34 года, и объ рѣдкой изъ нихъ училище, въ лицѣ ея, не имѣло свѣдѣній, а со многими вела она постоянныя и дѣятельныя сношенія.

Никакая личная энергія новаго дѣятеля не можетъ замѣнить дѣйствіе спокойной силы, установившейся въ старомъ человѣкѣ въ теченіе долгой жизни, посвященной одному дѣлу въ единствѣ духа и направленія. Такіе люди драгоцѣнны въ своей старости, даже при неизбѣжномъ ослабленіи первоначальной энергіи.

Есть люди, у которыхъ личная *жизнь* такъ нераздѣльно слилась съ *дѣломъ*, которому они посвятили себя, что самая *жизнь* ихъ пріобрѣтаетъ значеніе *дѣла*

многихъ и то уже великое горе, если послѣ Нея не на кого будетъ озираться!

И Ея уже нѣтъ! Еще такъ недавно, въ концѣ декабря, въ день Ея рожденья, собравшись къ Ней, старые друзья и слуги видѣли привѣтливый взглядъ, слышали Ея привѣтливое слово. Еще можно было обманываться и надѣяться, еще видна была въ Ней, сквозь болѣзненную усталость, прежняя Ея живость, казавшая Ее молодою передъ старыми Ея сверстниками. И вотъ, 9-го января судилъ Богъ тѣмъ же людямъ собраться въ слезахъ и въ таинственномъ молчанiи у бездыханнаго Ея тѣла.

Горькая потеря! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ яснѣе станутъ выступать для насъ достоинства Усопшей — и все, что мы потеряли въ Ней. Она уже *взята отъ земли;* но какъ сложились, по кончинѣ, въ ровную, спокойную красоту черты лица Ея, живыя и подвижныя, такъ сложится на вѣчную Ей память милый Ея образъ, величавый, сiяющiй мыслiю о всемъ высокомъ и добромъ.

Надежда Павловна Шульцъ.

† 12-го сентября 1877 года.

12-го сентября въ Царскомъ Селѣ скончалась, 84-хъ лѣтъ отъ роду, достойная женщина, коей имя должно остаться на вѣки памятнымъ въ скудномъ спискѣ лицъ, разумно, съ любовью и плодотворно трудившихся на пользу русскаго просвѣщенія въ истинномъ его смыслѣ.

Надежда Павловна Шульцъ происходила изъ семейства *Шиповыхъ*, возрастившаго для Россіи не мало добрыхъ русскихъ дѣятелей. Имѣя отъ природы доброе и нѣжное сердце, съ практическимъ хозяйственнымъ умомъ, и получивъ въ благочестивой семьѣ своей истинно—христіанское воспитаніе, Надежда Павловна съ первой юности, повсюду, гдѣ ни приходилось ей жить, привыкла прилагать, забывая о себѣ, все сердце свое къ заботѣ о другихъ, кто около нея требовалъ заботы. Своя семья была для нея первою школой педагогіи: здѣсь, завѣдывая воспитаніемъ младшихъ братьевъ, научилась она здравымъ началамъ и пріемамъ воспитательной дѣятельности.

По выходѣ въ замужество у ней возникла своя семья; но горячее сердце ея простирало свою заботу далеко за предѣлы тѣснаго круга семейной жизни. Всю раннюю пору свою провела она въ деревнѣ и близко ознакомилась со всѣми условіями сельскаго быта, стало быть знала хорошо нужды народныя, въ числѣ коихъ на первомъ мѣстѣ духовныя нужды. Кто, жившій въ деревнѣ, не знаетъ, что первая нужда овецъ—въ пастырѣ, а добрыхъ пастырей было вокругъ мало. Надежда Павловна знала хорошо, каковы у насъ условія воспитанія и цѣлаго быта сельскихъ священниковъ, знала по опыту, что при настоятельности ежедневныхъ нуждъ и при невыгодной обстановкѣ домашняго быта отъ самой колыбели, сельскому священнику у насъ не трудно огрубѣть душою и утратить сознаніе высокаго своего призванія. Какъ пособить ему въ его одиночествѣ, гдѣ онъ живетъ обыкновенно затерянный, въ отчужденіи и отъ грубой среды внизу, на которой самъ онъ нечеловѣческими усиліями долженъ еще поднимать первобытную новь и распахивать пашню никѣмъ не тронутую, и отъ среды помѣщичьей, отъ которой онъ отдѣляется предразсудками сословнаго быта и воспитанія. Пособить ему въ этихъ обстоятельствахъ, освѣтить ему жизнь, раздѣлить съ нимъ бремя, можетъ только вѣрная помощница—жена. Но жены сельскихъ священниковъ бывали, какъ извѣстно, ниже мужей своихъ по воспитанію и образованію, и самый бракъ,

большею частью, становился, къ сожалѣнію, не дѣломъ сердечнаго и разумнаго выбора, а необходимымъ средствомъ къ полученію мѣста. Итакъ, надобно было еще *сотворить ему помощницу*. Вотъ мысль, которая овладѣла горячею душой Надежды Павловны: утвердить въ духовномъ сословіи прочныя основы семейнаго быта; приготовить въ средѣ этой семьи будущихъ дѣятелей народнаго образованія; устроить такія учрежденія, въ которыхъ дѣвицы духовнаго званія получали бы прочное воспитаніе, въ началахъ вѣры, добра и нравственности, въ высокой мысли о своемъ призваніи. Священнику некогда заботиться объ устройствѣ дома и о ежедневныхъ нуждахъ: надобно, чтобы жена его была хозяйкою. Надобно, чтобы жена его могла быть сама учительницею дѣтей своихъ, и въ потребномъ случаѣ помощницею мужа въ народномъ обученіи.

Внезапное горе, постигшее молодую еще женщину — кончина мужа — обратило ее совершенно къ воспитанію дѣтей и къ *этой* благодѣтельной мысли, въ которой всѣ ея заботы и желанія раздѣляла съ ней — другъ ея и сестра, дѣвица Елизавета Павловна Шипова. Вскорѣ представился случай осуществить эту мысль на дѣлѣ, при горячемъ покровительствѣ и содѣйствіи Великой Княгини Ольги Николаевны, впослѣдствіи королевы Виртембергской. Такъ были основаны два первыя училища дѣвицъ духовнаго званія — одно въ Царскомъ Селѣ, подъ управленіемъ Надежды Павловны, другое въ Яро-

славлѣ, состоявшее подъ управленіемъ сестры ея, Елизаветы Павловны Шиповой. Оба заведенія съ тѣхъ поръ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ, и трудно исчислить, сколько принесли они добра Церкви и отечеству воспитаніемъ цѣлыхъ поколѣній, сколько посѣяли добрыхъ сѣмянъ нравственной силы, сколько внесли свѣта въ такую среду, которая до тѣхъ поръ почти не знала просвѣщенія.

И вотъ теперь — первоначальница этого добраго и патріотическаго дѣла, закончившая весь кругъ своей дѣятельности, какъ назрѣвшій и склонившійся отъ зеренъ колосъ, снята съ нивы, — въ житницу Господню. Буди вѣчная память ей: она сослужила вѣрную службу, какъ немногія, Богу, Церкви и возлюбленному своему отечеству.

Она не принадлежала къ тѣмъ представителямъ новѣйшей педагогіи, которые такъ ярко горятъ иногда чужимъ, заимствованнымъ огнемъ разноцвѣтныхъ теорій, методовъ и, такъ называемыхъ, новыхъ началъ обученія и просвѣщенія, которые изъ-за толковъ и положеній о томъ, *какъ* учить, забываютъ не рѣдко о томъ, *чему* учить, о томъ единомъ и существенномъ, чѣмъ созидается человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованный. Огонь, которымъ она горѣла, былъ у нея свой, и поддерживался до послѣдняго ея вздоха ея простою и горячею вѣрою, простою и неистощимою любовью, истиною здраваго смысла и прямого патріотическаго чувства. Какъ свѣтильникъ, она горѣла, и погасла тихо и мирно, какъ свѣтильникъ.

По разумному плану, положенному въ основаніе обученія, курсъ его былъ простой и несложный, безъ иностранныхъ языковъ: законъ Божій, чистописаніе съ рисованіемъ, русскій языкъ со славянскимъ, ариѳметика и исторія съ географіей, пѣніе и практическое домашнее хозяйство съ рукодѣльемъ. Въ послѣднее время къ этимъ предметамъ прибавлены еще физика съ естественной исторіей и начала педагогики. Этотъ курсъ проходился подъ непрестаннымъ руководствомъ и надзоромъ начальницы, съ замѣчательною основательностью, и воспитанницы, оставляя заведеніе, пріобрѣтали дѣйствительное и твердое знаніе. Законъ Божій и русскій языкъ служили особенно какъ бы двумя столпами всего знанія: начальница сама прошла добрую старую школу русскаго языка и словесности, и было бы желательно, чтобы всѣ дѣвицы, проходившія гораздо болѣе сложные и мудреные курсы въ институтахъ и гимназіяхъ, съ разными затѣями новѣйшей педагогіи, умѣли писать порусски такъ чисто и правильно, какъ воспитанницы Надежды Павловны. Оттого многія изъ нихъ показали себя на дѣлѣ отличными преподавательницами въ сельскихъ школахъ. Преподаваніе пѣнія велось всегда въ училищѣ съ такимъ успѣхомъ и такъ основательно, что многія воспитанницы, по выпускѣ, могли безъ труда сами вести это преподаваніе въ сельскихъ школахъ.

Въ нравственномъ отношеніи вліяніе такой женщины было неоцѣненное. Посвящая все время, всѣ за-

боты созданному ею училищу, она была въ немъ, какъ мать — посреди дѣтей. Эта женщина была доброты неописанной и несравненной чистоты и ясности душевной. Русская въ біеніи каждой жилки, въ каждомъ представленіи и сознаніи, она могла перелить въ каждую душу ту любовь къ отечеству, которая ее одушевляла. А главное, знавшимъ ее трудно себѣ представить другую, подобную ей душу, въ которой съ такою простотой и ясностью отражались бы красота всякаго добра и безобразіе зла и лжи всякаго рода. Можно себѣ представить, какъ благодѣтельно должно было дѣйствовать это чистое зеркало на всѣхъ, кто могъ въ него смотрѣться. Въ кроткой улыбкѣ покойной Надежды Павловны, въ ясномъ и глубокомъ взглядѣ голубыхъ ея глазъ, была неотразимая сила, которая будила совѣсть и успокоивала въ душѣ всякое мятежное волненіе...

Въ воспитаніи своихъ дѣвицъ Надежда Павловна преслѣдовала неуклонно высокую задачу. Она горячо оспаривала мысль, которую иные заявляли ей, что не нужно такъ много работать надъ умственнымъ ихъ образованіемъ, чтобъ развитіе ихъ было не выше того быта, изъ котораго онѣ вышли и для котораго предназначены. «Нѣтъ,— отвѣчала она,— я не посвятила бы этому дѣлу всю свою жизнь и всѣ силы, когда бы оно должно было ограничиться только приготовленіемъ домашнихъ хозяекъ. Онѣ готовятся быть хозяйками,— но не это, въ глазахъ моихъ, главная цѣль ихъ обра-

зованія. Я ставлю, прежде всего, своимъ долгомъ — просвѣтить умъ своихъ воспитанницъ, утвердить у нихъ въ сердцѣ горячее желаніе приносить пользу и дѣлать добро на всякомъ мѣстѣ, гдѣ ни случится имъ быть. Образованіе ихъ должно быть основательное и не скудное: если умъ въ нихъ не получитъ должнаго развитія, это отразится и на сердечныхъ качествахъ. Чѣмъ просвѣщеннѣе будутъ онѣ, тѣмъ лучше поймутъ, что никакое занятіе не ниже ихъ достоинства, если только можетъ приносить пользу». Въ системѣ воспитанія, которой держалась Надежда Павловна, все направлено было къ этой духовной цѣли. Такъ напр., она не допускала, чтобъ ея воспитанницы занимались работами для продажи. «Покуда онѣ въ училищѣ, говорила она, у нихъ и мысли не должно быть о какой нибудь личной прибыли отъ работы. Цѣль ихъ работъ должна быть безкорыстная: — желанье помочь, сдѣлать добро, принести пользу. Къ этому чувству тѣмъ болѣе необходимо пріучать ихъ, что на ту среду, изъ которой онѣ вышли, падаетъ обвиненіе въ алчности къ пріобрѣтенію, и когда онѣ вернутся туда, то должны подавать примѣръ любви и безкорыстнаго служенія добру». Вотъ почему Надежда Павловна старалась не пропускать случая, по поводу какого нибудь общественнаго бѣдствія, устраивать между своими дѣвицами работы въ пользу пострадавшихъ и возбуждать въ нихъ усердіе къ такой работѣ.

Вотъ въ какихъ идеальныхъ чертахъ эта чистая душа представляла себѣ тотъ образъ, которымъ одушевлялась ея педагогическая дѣятельность. «Вотъ какою люблю я,—писала она,—представлять себѣ нашу воспитанницу по выпускѣ изъ заведенія, въ ея жизни. Домъ ея служитъ образцомъ добрыхъ нравовъ, согласія, чистоты, порядка, благосостоянія. Мужъ ея, возвращаясь домой отъ служенія духовнымъ нуждамъ прихожанъ своихъ, находитъ желанный отдыхъ въ обществѣ жены своей; они бесѣдуютъ и читаютъ вмѣстѣ. Она не любитъ ходить по гостямъ, и выходитъ изъ дому, почти всегда имѣя въ виду дѣло любви и благотворительности. Слышитъ о больной по деревнѣ,—спѣшитъ подать возможную помощь. Слышитъ про бѣдность, про нужду, про горе,—идетъ утѣшить, пособить добрымъ словомъ или совѣтомъ. У самой нѣтъ средствъ помочь въ нуждѣ—идетъ просить у богатаго помѣщика, у сосѣда: женщину добрую и образованную примутъ, выслушаютъ охотно, послушаютъ». Иному этотъ идеалъ можетъ показаться идилліей: но какой идеалъ бываетъ вровень съ дѣйствительностью? Въ томъ и состоитъ высокое значеніе идеала, что онъ освѣщаетъ темную дѣйствительность, одухотворяетъ жизнь стремленіемъ къ высокой цѣли, а этотъ идеалъ добрѣйшей Надежды Павловны свѣтилъ ей въ теченіе цѣлой жизни и держалъ ее постоянно на высотѣ того святаго призванія, на которое она обрекла

себя. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что черты его отразились на многихъ питомицахъ, выпущенныхъ ею изъ заведенія, и остались въ жизни ихъ и дѣятельности священнымъ завѣтомъ доброй матери.

Заботы ея объ воспитанницахъ не оканчивались съ выпускомъ ихъ изъ заведенія. Она слѣдила за судьбою и дѣятельностью каждой; многія изъ нихъ постоянно вели съ нею переписку, сообщая ей извѣстія о перемѣнахъ судьбы своей и о своей дѣятельности, искали у нея совѣта, опоры, помощи въ нуждахъ всякаго рода, и на всякій запросъ отзывалась ея горячая душа сочувственнымъ словомъ, содѣйствіемъ, помощью. По всей Россіи, особливо на сѣверѣ, въ городахъ и селахъ разсѣяно множество бывшихъ воспитанницъ Царскосельскаго училища, которымъ Надежда Павловна управляла 34 года, и объ рѣдкой изъ нихъ училище, въ лицѣ ея, не имѣло свѣдѣній, а со многими вела она постоянныя и дѣятельныя сношенія.

Никакая личная энергія новаго дѣятеля не можетъ замѣнить дѣйствіе спокойной силы, установившейся въ старомъ человѣкѣ въ теченіе долгой жизни, посвященной одному дѣлу въ единствѣ духа и направленія. Такіе люди драгоцѣнны въ своей старости, даже при неизбѣжномъ ослабленіи первоначальной энергіи.

Есть люди, у которыхъ личная *жизнь* такъ нераздѣльно слилась съ *дѣломъ*, которому они посвятили себя, что самая *жизнь* ихъ пріобрѣтаетъ значеніе *дѣла*

и составляетъ силу, незамѣтно и живительно дѣйствующую на всю среду, въ которой живутъ они и дѣйствуютъ. Вотъ почему приходится намъ часто, посреди множества новыхъ дѣятелей, такъ безутѣшно оплакивать старыхъ, когда они сходятъ съ поля: вотъ почему около гроба стараго человѣка слышатся иногда такія рыданія, какихъ не услышишь надъ могилою юноши. Есть ѣдкое и острое горе, когда сорванъ цвѣтокъ, въ которомъ была радость и надежда нашей жизни; есть тихое, но глубокое горе, когда погашенъ свѣтильникъ, который свѣтилъ ровнымъ свѣтомъ на жизненномъ пути нашемъ.

Послѣ отпѣванія, у гроба усопшей, въ церкви училища, слышались, заглушая звукъ церковной молитвы, рыданія множества дѣтей, хоронившихъ мать свою: бывшихъ и нынѣшнихъ воспитанницъ училища, которому она дала жизнь и въ которомъ сама была живою душою. Чувства, которыми переполнена была въ эту минуту вся домашняя церковь, собравшаяся у гроба, прекрасно выразилъ въ рѣчи своей достойный законоучитель заведенія, о. протоіерей Ѳ. А. Павловичъ.

«Рѣдкая мать, говорилъ онъ,—съ такою любовью, съ такимъ умомъ, жертвой и постоянствомъ, съумѣла бы пещись о счастіи своихъ дѣтей, какъ это дѣлала всегда оплакиваемая нами, по общему сознанію, лучшая, достойнѣйшая мать, наставница и благодѣтельница цѣлыхъ поколѣній священническихъ женъ, дѣвицъ и матерей. Истинно христіанское воспитаніе дѣтей, ихъ

наставленіе и утвержденіе въ добрѣ, было высшимъ дѣломъ, призваніемъ ея жизни; она всецѣло отдала ему богатыя сокровища своей души: тонкость, проницательность высоко развитаго и просвѣщеннаго ума, твердость и постоянство своей воли, и что еще важнѣе — нѣжность, теплоту и сострадательность своего материнскаго сердца. Ея примѣръ, надзоръ, вліяніе и руководство живо ощущались всѣми и во всемъ въ нашемъ домѣ, а это былъ примѣръ добра, надзоръ любви, вліяніе кротости и мира, и руководство къ строгому, точному исполненію всѣми своихъ святыхъ обязанностей. А кто можетъ измѣрить всю теплоту ея любви, заботливости и попеченій о доброй участи дѣтей по выходѣ ихъ изъ-подъ училищнаго крова? Тысячи благодѣяній, услугъ и утѣшеній всякаго рода, оказаны были ею не только питомицамъ сего училища или ближайшимъ членамъ ихъ семействъ, но и многимъ — многимъ нуждающимся лицамъ, для которыхъ сердце и рука ея всегда были открыты. Дѣлать добро, помогать бѣднымъ, утѣшать вдовъ и сиротъ въ скорбяхъ ихъ, было всегда потребностью и наслажденіемъ ея души, и одинъ Господь знаетъ, сколько признательности, сколько сердечныхъ слезъ и самыхъ горячихъ трогательныхъ чувствъ возбуждено ею въ дѣтскихъ душахъ и въ сердцахъ всѣхъ, имѣвшихъ счастіе пользоваться ея помощію, ласкою, привѣтомъ, нѣжностію и попеченіями! О, еслибы всѣ, тайно или явно благодѣтельствованные

ею, могли теперь предстать и собраться вмѣстѣ съ нами у настоящаго гроба, что это была бы за трогательная, прекрасная, умилительная картина, и какое множество благословеній, молитвъ и благодарностей вознеслось бы ко Всевышнему у этого гроба!... Да, это была вѣрная, добрая и мудрая раба Христова! Сердце ея преисполнено было любви и соучастія ко всѣмъ, и потому, какъ выражается древній мудрецъ, «длань свою открывала она бѣдному, и простирала руку свою неимущему, уста свои открывала съ мудростію, и кроткое наставленіе было на языкѣ ея». Ложнаго угожденія и суетной доброты женской не было въ ней; и за то благословляется теперь ея память, и отсвѣтъ ея жизни, плодъ ея трудовъ и наставленій, долго будетъ еще сохраняться въ мірѣ, радуя и услаждая взоръ, мысль и волю воспитанныхъ, обласканныхъ, благодѣтельствованныхъ ею.

Дѣти!—заключилъ, со слезами, проповѣдникъ,—особенно приблизьтесь вы, приникните въ послѣдній разъ къ останкамъ вашей матери и, лобызая ея руки, припомните и запечатлѣйте въ сердцахъ своихъ ея священный завѣтъ—жить и дѣйствовать всегда въ ея любвеобильномъ духѣ, по ея наставленіямъ и примѣру. Да будетъ и всѣмъ, живущимъ въ этомъ домѣ, свѣтла и незабвенна ея память, и да растутъ, питаются и зрѣютъ святыя сѣмена, посѣянныя ею, принося обильный и здоровый плодъ на благо Церкви и отечества».

Баронесса Эдита Θеодоровна Раденъ.

† 9-го октября 1885 года.

Міръ человѣческій—тоже вселенная, и тоже держится силою тяготѣнія. Нѣтъ души человѣческой, которая не обладала бы въ той или другой степени этою силой и сама этой силѣ не подчинялась. Если бы каждый изъ насъ разумно сознавалъ это, сколько силы нравственной, напрасно расточаемой, могъ бы онъ скопить и распространить около себя въ своей сферѣ; сколько душъ человѣческихъ, съ которыми приходитъ въ ежедневное соприкосновеніе, могъ бы поддержать, воздержать и исправить. И наоборотъ, какъ много около каждаго изъ насъ сиротскихъ, слабыхъ и изнемогающихъ душъ, жаждущихъ къ кому приразиться, на кого смотрѣть, въ комъ найти опору: мы проходимъ мимо,—а сколько ихъ изнемогаетъ и погибаетъ.

Но есть избранныя души, исполненныя силы, ищущей исхода: когда глубокое чувство благожеланія и жалости соединяется въ нихъ съ горячимъ стремле-

ніемъ къ правдѣ въ жизни,—онѣ уподобляются по истинѣ свѣтиламъ, силою коихъ держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ. Сколько добра и свѣта такія души разливаютъ около себя — невозможно исчислить и взвѣсить: дѣйствіе одной души на другую душу — безгранично и безконечно.

Къ числу такихъ избранныхъ душъ принадлежала покойная Эдита Раденъ: вѣчная память ея живетъ во многомъ множествѣ знавшихъ ее и ощущавшихъ ея притяженіе. Увы! давно уже нѣтъ ея,—и мѣсто ея стоитъ одиноко и пусто!

Она родилась въ средѣ Курляндскаго дворянства, проникнутой преданіями дворянской чести и Балтійской родовитости. Но изъ этой среды, откинувъ наросты историческихъ предразсудковъ, вынесла она всѣ добрыя начала — отъ самаго корня добрыхъ преданій: привычку къ труду, любовь къ порядку, стремленіе къ правдѣ въ жизни, духъ попечительной заботливости о подчиненныхъ людяхъ, и наконецъ — вѣру — крѣпкую и строгую.

Съ этими задатками вступила она въ жизнь, развиваясь подъ вліяніемъ старшаго брата своего, человѣка высокаго образованія. Далеко возвышаясь умомъ и способностями надъ тою сферой, въ которой приходилось ей проводить первые годы свои, при замѣчательной жаждѣ къ знаніямъ и способности быстро и глубоко усвоять себѣ истину,—она успѣла уберечь въ себѣ для

дальнѣйшаго развитія своего — драгоцѣннѣйшее сокровище души человѣческой — сердце, чуткое ко всѣмъ человѣческимъ нуждамъ и жаждущее благотворной и просвѣщенной дѣятельности.

Своя семья была для нея первою школою для образованія сердца: едва выйдя изъ дѣтства, она стала уже провидѣніемъ семьи своей, пріучаясь помогать всѣмъ нуждамъ, покрывать всякую слабость и всякія тяготы принимать на плечи свои, радоваться съ радующимися и съ плачущими плакать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благородство природныхъ инстинктовъ и возвышенность вкусовъ — подсказывали ей и пріучали ее къ искусству осмысливать всякое дѣйствіе и одухотворять всякое занятіе — посреди простоты семейнаго быта.

Высокія качества ума и сердца ея, при замѣчательномъ образованіи и широтѣ взгляда, сдѣлали ее извѣстною въ тѣсномъ кругу высшаго петербургскаго общества эпохи Императора Николая. Великая Княгиня Елена Павловна, — чуткая цѣнительница людей и талантовъ, познакомившись съ нею, приблизила ее къ Себѣ — и съ этого времени для Эдиты Раденъ открылось широкое поле и вмѣстѣ съ тѣмъ новая школа дѣятельности, которая мало по малу получила высокое значеніе дѣятельности общественной.

Имя Великой Княгини останется навсегда славнымъ въ исторіи русскаго общества. Вполнѣ уразумѣвъ значеніе и долгъ Своего высокаго званія, Она посвятила

Себя исполненію этого долга. Живая, впечатлительная, исполненная жажды добра, свѣта и знанія, Она воспитала въ Себѣ и силу сочувствія, которая дозволяетъ и на высотѣ недоступной нуждамъ, живо понимать и принимать къ сердцу всякую человѣческую нужду,—и ту силу творчества, которая, приражаясь къ людямъ, живымъ движеніемъ духа возбуждаетъ въ нихъ—имъ самимъ иногда невѣдомыя дѣйственныя силы. Всюду, гдѣ ни появлялась, Она искала талантовъ, приближала ихъ къ Себѣ, входила съ ними въ общеніе и, питаясь ихъ духомъ, искусствомъ и знаніемъ, въ то же время сама возбуждала ихъ и одушевляла: кого требовалось поднять, кому нужно было пособить—всѣмъ готова была помогать щедро и разумно. Въ общеніи съ Нею каждый, входя въ сферу вкусовъ Ея и мыслей, чувствовалъ себя ближе къ благородному и возвышенному, дальше отъ низменнаго и пошлаго—и въ жизни и въ словѣ и въ искусствѣ.

Съ такою-то Принцессой судьба соединила Эдиту Раденъ,—и вскорѣ, сблизившись съ Нею тѣмъ духовнымъ общеніемъ, которое порождаетъ одинаковость вкусовъ и стремленій, пріобрѣтя вполнѣ Ея довѣріе, Эдита Раденъ стала ближайшею Ея помощницей. Стоя на уединенныхъ вершинахъ, особы высокаго сана нуждаются въ посредникахъ, для сближенія съ людьми, живущими въ долинѣ, и для общественной дѣятельности,—и благо тому, у кого этими посредниками

служатъ — не рабы и льстивые царедворцы, а люди хранящіе достоинство, честь и правду. Такова и была, въ полномъ смыслѣ, Эдита Раденъ. Принадлежа по рожденію къ старому Балтійскому дворянству, она изъ семейныхъ преданій его вынесла чувство преданности Царскому Дому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое сознаніе того достоинства, которое неразлучно съ истинною вѣрностью. Не терпя лести относительно кого бы то ни было, она не способна была льстить, такъ же какъ неспособна была скрывать правду или молчать о правдѣ, когда долгъ требовалъ ее высказать; неспособна была и удерживать или скрывать свое негодованіе на всякую ложь и презрѣніе къ пошлости. Гдѣ бы ни почуяла нужду, она готова была спѣшить на помощь; гдѣ бы ни проявлялось благородное чувство, возвышенное стремленіе, движеніе къ добру, творческая способность,— загаралось ея сочувствіе, и она стремилась отозваться. Выйдя изъ среды провинціальной окраины, не чуждая и нѣкоторыхъ ея предразсудковъ,— она тѣмъ не менѣе глубоко сознавала и ощущала великое свое отечество — Россію; всѣ лучшія качества русской души она поняла и полюбила, и сердце въ ней билось горячо — чувствомъ русскаго патріотизма.

Благодаря совокупной дѣятельности этихъ двухъ женщинъ, Михайловскій Дворецъ сдѣлался средоточіемъ культурнаго общества въ Петербургѣ, центромъ интеллектуальнаго его развитія, школою изящнаго вкуса

и питомникомъ талантовъ. Все замѣчательное и выдающееся въ области государственной, въ наукѣ и въ искусствѣ, стекалось къ этому центру — и всѣ находили здѣсь умственное возбужденіе, оживленіе мысли и чувства. Великая Княгиня имѣла драгоцѣнное свойство, входя въ бесѣду съ человѣкомъ ставить его въ свободное и правдивое отношеніе: всякому было легко отвѣчать на Ея живую и одушевленную рѣчь, но въ то же время всякій возлѣ Нея чувствовалъ себя въ чистой и возвышенной атмосферѣ, на той чертѣ, за которую не проникаетъ пошлость. На вечерахъ Великой Княгини встрѣчались государственные люди съ учеными, литераторами, художниками; женскій умъ, тонкій и образованный, давалъ взаимнымъ ихъ бесѣдамъ тонъ и оживленіе. Праздники Михайловскаго Дворца, концерты, спектакли, живыя картины отличались неподражаемымъ изяществомъ формы и совершенствомъ исполненія. Здѣсь, подъ покровительствомъ хозяйки дома, испытывали себя и вырабатывались художественные таланты, ставшіе впослѣдствіи знаменитыми въ искусствѣ. Она не щадила средствъ Своихъ, для поддержанія талантовъ, когда замѣчала ихъ, и для художественнаго ихъ образованія. Таковъ былъ кругъ Михайловскаго Дворца, и въ немъ главнымъ двигателемъ оживленія являлась Эдита Раденъ. Въ ея скромныхъ комнатахъ происходилъ починъ всего того, что послѣ завязывалось въ салонахъ Великой Княгини.

Здѣсь знакомилась она съ начинающимися талантами, съ учеными и общественными дѣятелями, коихъ нужда заставляла искать ободренія и поддержки, сюда являлись и горькіе бѣдняки, гонимые нуждою и горемъ,— и черезъ посредство ея всѣхъ узнавала Великая Княгиня. Частыя поѣздки съ Великой Княгиней заграницу сближали Эдиту Раденъ въ Европѣ съ иностранными Дворами, съ политическими дѣятелями, съ знаменитостями науки, литературы, искусства, во всѣхъ столицахъ;—умъ ея повсюду былъ оцѣненъ по достоинству, а нравственное съ нею общеніе оставляло столь глубокіе слѣды, что многіе изъ заграничныхъ друзей ея входили съ нею въ переписку, не прерывавшуюся до ея кончины. Все, что видѣла она въ Европѣ, все, что испытала въ живомъ обмѣнѣ мысли, все, надъ чѣмъ работала мысль ея посреди новыхъ людей и древнихъ учрежденій, становилось духовнымъ ея достояніемъ,— расширяя культурный ея кругозоръ, умножая духовную силу для дѣятельности—дома, въ Петербургѣ.

Въ царствованіе Николая Павловича не широко было поле для общественной дѣятельности въ Россіи, но по природѣ Его все благородное, все возвышенное, чистое и изящное было Ему сочувственно и находило отзывъ въ душѣ Его. Покойный Государь любилъ и уважалъ Великую Княгиню Елену Павловну, охотно совѣтовался съ Нею и дорожилъ Ея мнѣніемъ; Онъ зналъ и уважалъ Эдиту Раденъ и любилъ умную рѣчь

ея. Все это, при довѣріи Государя, давало возможность оживлять и поддерживать изъ Михайловскаго Дворца многія учрежденія, получившія важное общественное значеніе, обращать вниманіе Монарха на таланты, остававшіеся Ему неизвѣстными. Съ именемъ Великой Княгини связаны многія учебныя и санитарныя учрежденія, возникшія въ эту эпоху. Ей обязана своимъ началомъ и развитіемъ музыкальная консерваторія.

Но гроза, омрачившая послѣдніе годы великаго царствованія, возбудила духъ общественной дѣятельности во всей Россіи. Кровавая брань подъ Севастополемъ обнаружила такія нужды, удовлетворить коимъ не могло правительство,—и прежде всего нужду помощи великому множеству раненыхъ на полѣ брани. Эту помощь необходимо было организовать,—образовать учрежденія, сыскать руководительныхъ людей, найти средства собрать воедино разсыпанную массу лицъ, стремившихся посвятить себя святому дѣлу попеченія о раненыхъ—дѣлу совсѣмъ новому, неиспытанному у насъ и едва испытанному и въ остальной Европѣ. Очевидно, такая организація была не подъ силу какому бы то ни было министерству, какой бы то ни было канцеляріи. Великая Княгиня со всѣмъ жаромъ благородной души взялась за это дѣло. Съ самаго начала военныхъ дѣйствій Ей не давала покоя мысль о бѣдствіяхъ войны и о страданіяхъ раненыхъ: Она задумала собрать сестеръ милосердія и послать ихъ на поле битвы и въ военные

госпитали. Съ помощью Пирогова выработанъ планъ предпріятія. Государь Николай Павловичъ усумнился въ успѣхѣ этого новаго дѣла, но Великая Княгиня успѣла уговорить Его — дозволить первый опытъ, — и дѣло закипѣло. Тутъ первымъ орудіемъ явилась Эдита Раденъ, обладавшая способностью устраивать практическое дѣло, собирая къ нему людей и одушевляя ихъ. Такъ положено было начало Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія и организованы, подъ руководствомъ Пирогова, первые отряды сестеръ, отправленные въ Севастополь. Кому не извѣстны труды этихъ подвижницъ христіанскаго милосердія и самоотверженія? — память объ нихъ нераздѣльна съ памятью о подвигахъ героевъ нашихъ, положившихъ кости свои на Севастопольскихъ бастіонахъ.

Настало новое царствованіе. Началась новая эпоха преобразованій. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежало осуществленію завѣтной мысли верховнаго правительства, завѣтной мысли всѣхъ русскихъ патріотовъ — освобожденію крестьянъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ Михайловскій Дворецъ сталъ центромъ, въ которомъ приватно разработывался планъ желанной реформы, къ которому собирались люди ума и воли, издавна ее замышлявшіе, и теперь подготовлявшіе ее съ вѣдома и съ сочувствіемъ правительства. Преданія этого памятнаго времени — неразрывно связаны съ именами Великой Княгини и Эдиты Раденъ. Здѣсь такіе

люди как — Черкасскій, Самаринъ, Милютинъ — строили на ладъ свои мысли и готовились къ своей общественной дѣятельности.

Болѣзнь Великой Княгини, и затѣмъ кончина Ея была тяжкимъ ударомъ для Эдиты Раденъ: точно оборвалась жизнь ея — но энергія ея не ослабѣла. Душа ея связана была неразрывно съ учрежденіями, возникшими подъ покровомъ Усопшей, и вся ея дѣятельность съ тѣхъ поръ посвящена была, по мыслямъ Усопшей, дѣламъ общественной благотворительности. Клиническій Институтъ, возникавшій въ память Великой Княгини, Еленинскій Институтъ, санитарныя Ея учрежденія, Елисаветинская дѣтская больница, школы и пріюты, дешевыя столовыя для бѣдныхъ — поглощали ея дѣятельность, безъ устали, съ утра до вечера. Но этимъ не довольствовалась душа ея, чуткая къ людскому горю, бѣдѣ и нуждѣ, къ таланту, лишенному руководства и опоры; къ способности, жаждущей науки и работы. — Каждое утро являлись къ ней малые и невѣдомые люди за совѣтомъ, за поддержкой и помощью, и, конечно, многіе съ благодарностью поминаютъ ее добромъ, которое вывело ихъ на дорогу, словомъ, которое ободрило и укрѣпило ихъ, дѣломъ, на которое она ихъ поставила, благовременною помощью въ крайней нуждѣ.

Стоило ей увидѣть, ощутить нужду, какъ возникало горячее желаніе придти на помощь, поддержать,

направить, указать исходъ изъ затрудненія, найти дѣло для души, томящейся безъ дѣла, открыть дорогу таланту, оживить интересъ, привесть въ сознаніе колеблющуюся мысль. Вся жизнь ея, особливо въ послѣдніе годы, была исполнена этой дѣятельностью — и не перечесть, сколько духовнаго добра было ею посѣяно, сколько людей, угнетенныхъ жизнью, она поддержала и утѣшила.

Но настала еще разъ тяжкая для Россіи година, когда довелось ей приложить всю свою энергію къ великому дѣлу общественному. Началась война со всѣми своими ужасами — потребовалась въ громадныхъ размѣрахъ санитарная помощь для раненыхъ. Организація дѣла сосредоточена была въ Обществѣ Краснаго Креста, и здѣсь-то Эдита Раденъ явилась опять на дѣло съ своей неутомимою энергіей, съ организаторскимъ талантомъ, съ горячностью заботы, умѣющей обнять всю экономію дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Она помогала формировать отряды сестеръ, находила и одушевляла людей для санитарной службы, привлекала изъ среды столичнаго общества людей и ставила ихъ на работу: въ рукодѣльняхъ и складахъ Краснаго Креста въ столицѣ — она была поистинѣ душою и главною пружиною всего громаднаго дѣла изготовленія и отправки всѣхъ матеріаловъ и припасовъ для раненыхъ. Никто лучше ея не умѣлъ привлечь къ этому дѣлу дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей изъ общества:

въ комъ только таилась искра добра и влеченія къ доброй дѣятельности, тѣ не могли не отозваться на голосъ Элиты, на строгій и вмѣстѣ съ тѣмъ тихій призывъ ея къ возстанію отъ сна и бездѣйствія, къ труду, къ исполненію долга. Чувство долга было у нея связано нераздѣльно съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, и вѣра ея была непремѣнно дѣятельная.

Силы ея уже ослабѣвали; зерно роковой болѣзни, незамѣтное еще для друзей ея, начинало въ ней сказываться; но она не мѣряла силъ своихъ, когда нужно было дѣлать дѣло. На этотъ разъ она призвана была Высочайшимъ довѣріемъ къ наблюденію за дѣломъ высшаго женскаго образованія. Съ кончиною добродѣтельнаго принца П. Г. Ольденбургскаго, открылись новыя потребности, которымъ надлежало удовлетворить, старые недостатки, которые надлежало исправить. Къ сожалѣнію недолго пришлось ей дѣйствовать на этомъ полѣ; но и здѣсь успѣла она проявить свои духовныя силы и умѣла распознавать людей и возбуждать ихъ. Въ воспитаніи, какъ и во всякой дѣятельности, она была противницей рутины и формализма: «Dans l'éducation *surtout,*—писала она, il ne s'agit pas seulement de plier les enfants à un certain ordre, dans de certaines limites: il faut que *la vie* grandisse et se développe, sans être déformée par un cadre inflexible, ni sterilisée par une routine immuable,—ce moyen facile de gouverner, si

commode aux natures inertes et aux administrations formalistes»... *

Она искала во всемъ правды, и этимъ чувствомъ отличался образъ ея посреди шатанія умовъ въ нашемъ обществѣ, а благородство души и нравственное чутье помогали ей различать правду посреди предразсудковъ и пошлостей. Это налагало на Эдиту Раденъ печать достоинства, съ которымъ она являлась въ обращеніи и съ самыми простыми людьми и съ самыми высокопоставленными лицами. Въ бесѣдномъ обмѣнѣ мыслей, въ спорахъ и пререканіяхъ она не поддавалась обычной наклонности смѣшивать цвѣта и оттѣнки мыслей и мнѣній для мнимаго соглашенія, и растворять правду съ неправдою и черное съ бѣлымъ. Въ обращеніи съ людьми какъ своего, такъ и высшаго круга она владѣла въ совершенствѣ внѣшними формами пріемовъ и рѣчи, которыя сближаютъ людей, располагая ихъ другъ къ другу; но она была чужда той распространенной у насъ угодливости, которая, исходя изъ желанія быть пріятнымъ людямъ, побуждаетъ ласкательно относиться къ ихъ желаніямъ, словамъ и мыслямъ, искать согласія съ ними и, наконецъ, снисходительно

* *Особливо* въ воспитаніи не объ томъ лишь должна быть забота, чтобы привести дѣтей къ извѣстному порядку, ввесть въ извѣстныя границы: нужно, чтобъ *жизнь* возрастала и развивалась, не уродуясь въ желѣзныхъ формахъ, чтобъ не изсушала ее непреклонная рутина — легчайшій способъ управленія, такой удобный для безжизненныхъ дѣятелей, для формалистовъ правленія.

льстить наклонностямъ ихъ и способностямъ. Всякая лесть была ей противна до раздраженія, и кто подходилъ къ ней самой со льстивыми словами, тотъ возбуждалъ въ ней непріятное, тяжкое чувство; даже когда ближніе друзья, увлекаясь сознаніемъ ея таланта и умѣнья въ томъ или другомъ дѣлѣ, стремились выразить это сознаніе,—она готова была обличать ихъ въ лести. «Ce qu'il y a en moi de plus vivant,—писала она Самарину,—c'est la conscience nette de ma silhouette morale, découpée en noir. J'y tiens avec rigorisme, je l'ai toujours défendue victorieusement en moi-même contre les nuages roses, ou verts, ou bleus, dont on a tant essayé de la colorer! J'ai établi à l'entour une bonne large plaine, aride et pauvre; on n'en saurait approcher par des chemins couverts ou fleuris, car le plus petit ennemi s'y dessine à l'horizon». *

Пошлости,—увы!—столь распространенной во всѣхъ слояхъ нашего общества, она не могла выносить—и люди, подходившіе къ ней, чувствовали это сейчасъ по тону ея рѣчи, по одной изъ тѣхъ учтивыхъ, но

* Въ моемъ сознаніи всего явственнѣе мой нравственный силуэтъ, точно вырѣзанный на черномъ полѣ. Я держусь за него со всею строгостью, и всегда успѣшно сама въ себѣ его отстаивала, отстраняя отъ него разныя облака то розовыя, то зеленыя, то голубыя, которыми часто старались расцвѣтить его. И около него устроила я широкое, ровное, сухое и пустынное мѣсто, со всѣхъ сторонъ, такъ что нѣтъ возможности подобраться къ нему какими нибудь скрытыми или цвѣтистыми путями: тотчасъ видно на горизонтѣ самаго ничтожнаго непріятеля.

содержательныхъ фразъ, въ которыя она умѣла облекать воспріимчивую мысль свою. Изъ числа замѣтныхъ въ обществѣ людей мало, кто не зналъ ее,—и долговременное дѣятельное обращеніе въ столичныхъ кругахъ пріобрѣло ей много друзей. Близко знать Эдиту—значило полюбить ее, и не только полюбить, но и думать объ ней съ уваженіемъ, и смотрѣть на нее, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы смотримъ на человѣка, отражая его въ себѣ и сами въ немъ отражаясь.

До послѣднихъ дней своей жизни баронесса Раденъ занимала въ Михайловскомъ Дворцѣ тѣ же самыя комнаты, въ которыхъ она поселилась съ самаго начала. Мало кому изъ Петербургскаго общества было незнакомо это скромное жилище, а для многихъ былъ близокъ и дорогъ маленькій кабинетъ, куда собирались по вечерамъ друзья ея. Здѣсь, у небольшого стола, покрытаго книгами, сидѣла она, всегда готовая отозваться и старому и малому на всякую сердечную нужду, на совѣтъ въ затруднительномъ дѣлѣ, на рѣшеніе вопросовъ совѣсти, съ которыми многіе къ ней обращались. Вѣрный другъ для всѣхъ старыхъ друзей, связанныхъ съ нею воспоминаніями цѣлой жизни, она привлекала къ себѣ и молодыхъ, которые стремились къ ней охотно, потому что душа ея отзывалась живо на всякую чистую радость, на всякое доброе движеніе, на всякую нетерпѣливую нужду молодости. Она умѣла всякому сказать во время доброе и умное слово, а

взглядъ ея былъ такъ выразителенъ, что говорилъ многимъ безъ словъ — сочувствіемъ, одобреніемъ, — или негодованіемъ и обличеніемъ. Ни въ комъ встрѣча съ нею не оставляла блѣднаго, вялаго впечатлѣнія. Правда, что иные боялись ея — но боялась ея всего больше пошлость людская, читавшая въ ея взглядѣ обличеніе и презрѣнье. Но изъ ея ближнихъ друзей многіе, подходя къ ней, собирали себя и стыдились нести къ ней пустыя и вздорныя рѣчи свѣтскихъ собраній, потому что при ней хотѣли быть умными, въ ея зеркалѣ хотѣли отразиться лучшими своими чертами. Въ этомъ отношеніи столичное *общество* потерпѣло съ ея кончиною потерю невознаградимую: она была, и она одна могла быть для многихъ живою совѣстью, разумной совѣтницей и руководительницей, живымъ указателемъ правды и достоинства въ словахъ и поступкахъ. Всѣмъ этимъ она могла быть потому, что *доросла* до этого не только умомъ своимъ и нравственною энергіей, но и рѣдкою въ нашемъ обществѣ культурою мысли и вкуса, и тѣмъ чувствомъ *мѣры*, которое даетъ человѣку способность понимать каждаго и каждаго ставить въ свободное общеніе мысли и чувства.

Глубокое религіозное чувство одушевляло ее съ ранней молодости. Оно связано было у нея въ душѣ съ благороднѣйшими свойствами — съ горячимъ исканіемъ идеала въ жизни, съ крѣпкимъ чувствомъ долга,

съ стремленіемъ къ самопожертвованію, съ тонкимъ ощущеніемъ красоты въ природѣ, въ искусствѣ, въ душѣ человѣческой. Воспитанная въ строгомъ духѣ евангелическаго протестанства, она почерпнула изъ него ту энергію вѣры, которую лютеранство стремится внушить своимъ ученіемъ, ставящимъ человѣка лицомъ къ лицу непосредственно и къ Богу и къ слову Божію, съ крѣпкимъ, хотя и гордымъ сознаніемъ долга и отвѣтственности. Но та же энергія едва не увлекла ее въ крайность строгаго пуританства, на что есть указанія въ перепискѣ ея съ суперъ-интендентомъ Вальтеромъ.

Съ Вальтеромъ познакомилась она еще изъ родительскаго дома, въ 1846 году, молодою дѣвицей, въ пору блестящей проповѣднической его дѣятельности въ Лифляндіи, и его проповѣди имѣли сильное вліяніе на душевное ея развитіе: впослѣдствіи она говорила, что послѣ старшаго ея брата, Вальтеръ былъ для нея главною нравственною опорой и руководителемъ. Чрезъ 6 лѣтъ послѣ того, изъ Петербурга вела она съ нимъ переписку, и нѣкоторыя письма ея, 1853 года, напечатанныя въ его біографіи (Bischof Walter nach Briefen und Aufzeichnungen. Leipzig. 1891) изображаютъ живо тогдашнее душевное ея состояніе и внутреннюю борьбу ея съ собою, въ новой столичной и придворной средѣ, въ которую она вступила. Возвышенные идеалы, которые она внесла съ собою

въ эту среду, приражаясь къ людямъ, стали болѣзненно отражаться въ душѣ ея, а новыя ощущенія, возбуждаемыя въ ней самой честью и хвалою, встрѣчавшею ее повсюду, возмущали ея строгую совѣсть. «Въ новой моей жизни, писала она, многое во мнѣ измѣнилось: новыя искушенія, о коихъ я не имѣла понятія, обступаютъ меня отовсюду, и что особенно горько, искушенія до того ничтожнаго свойства, что казалось бы ничего не стоитъ преодолѣть ихъ — только идти спокойно впередъ, — но нѣтъ — они устилаютъ дорогу точно змѣевидныя ліаны, и ноги путаются иногда въ самой презрѣнной травѣ... Иногда похвала людская давитъ меня точно гора каменная — они не знаютъ сами что во мнѣ хвалятъ, и то, что имъ нравится — какъ жалко и ничтожно въ дѣйствительности»... Свѣтъ, со всѣмъ его блескомъ, со всѣми приманками чести и успѣха, не имѣетъ для нея никакой привлекательности — она искала въ немъ внутренняго умиротворенія — и не находитъ его. Но въ то же время, обращаясь къ себѣ, говоритъ: «странное противорѣчіе во мнѣ: что я такое, что мнѣ такъ противно все недоброе и низменное въ этомъ свѣтѣ»? Придворныя высоты, на которыхъ она жила, не соблазняли ее; но съ высоты своего нравственнаго идеала она не желала сойти ни для кого на свѣтѣ, и когда на зовъ ея о внутреннемъ мирѣ, Вальтеръ заговаривалъ о мирѣ семейнаго союза, она отвѣчала ему: «можетъ быть, Вы и

правы въ извѣстномъ смыслѣ: быть любимою такъ, какъ я представляю себѣ любовь,—великое счастье,— и къ этому счастью стремится всякая душа—можетъ стремиться и моя душа, сознательно. Но я никогда— ни отъ одного человѣка не ожидала удовлетворенія этому стремленію,—никогда еще не случалось мнѣ даже мысленно допустить для себя возможность брачнаго союза. Такъ уже тяжко мнѣ выносить свои собственные недостатки и слабости; а въ существѣ любимомъ, въ мужчинѣ, кому бы покорилась я въ радостномъ чувствѣ любви,—я не въ силахъ была бы снести и мелкія, низменныя слабости земной природы...»

Къ счастію обстоятельства вскорѣ вывели Эдиту Раденъ изъ тѣснаго круга, направили ее на дѣло, въ которомъ она могла найти удовлетвореніе, поставили на широту, гдѣ всѣ драгоцѣнныя качества души ея могли получить стройное и гармоническое развитіе. Съ Великой Княгиней Еленой Павловной Эдита вошла въ кругъ высокой культуры и могла вступить въ умственныя сношенія съ лучшими ея представителями въ цѣлой Европѣ. Частыя и продолжительныя поѣздки по Европѣ съ Великой Княгиней сблизили Эдиту съ первыми знаменитостями науки, искусства, политики, открыли ей сокровища памятниковъ исторіи, раскрыли передъ ней новые горизонты—въ исторической церкви западнаго міра. Римъ въ особенности подѣйствовалъ на ея воображеніе, и здѣсь религіозному

чувству ея, въ виду величественнаго зданія римско-католической церкви — открылись новые плѣнительные горизонты; съ этими впечатлѣніями вернулась она въ Россію. Въ связи съ этимъ ощущеніемъ пришлось ей, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, пережить сильный нравственный кризисъ, свойственный душамъ возвышеннымъ и пламеннымъ.

Многіе считали ее гордою, разумѣя гордость въ обычномъ, вульгарномъ смыслѣ этого слова: не давая себѣ труда вдумываться, люди нерѣдко опредѣляютъ однимъ словомъ характеръ человѣка, выражая этою характеристикой не столько его, сколько свое психическое къ нему отношеніе: таковы слышимыя часто слова: онъ слишкомъ гордъ,— онъ слишкомъ уменъ, онъ считаетъ себя умнѣе всѣхъ и т. п. Но не всегда то, что люди зовутъ гордостью, соотвѣтствуетъ значенію этого слова. Есть гордость самоувѣренности, гордость самообожанія, гордость голаго властолюбія; — во внѣшнемъ своемъ проявленіи эта гордость граничитъ съ пошлостью и нерѣдко съ нею сливается. Не таково было чувство Эдиты, если можно назвать его гордостью,— гордостью *самосознанія,* котораго человѣкъ никому уступить не хочетъ, полагая основы его не въ себѣ самомъ, но въ вѣчной истинѣ и въ правдѣ идеала жизни. Такое настроеніе души возвышенной, глубоко честной и правдивой всегда предполагаетъ борьбу, и притомъ двойную: борьбу внутри себя, со своимъ *я,* которое по природѣ чело-

вѣческой никогда не можетъ достигнуть идеала,—и *внѣ себя*, съ явленіями внѣшняго міра, въ которыхъ этотъ идеалъ искажается ложью и пошлостью. Душа, истощаемая этой борьбою, ищетъ примиренія и не находитъ его въ дѣйствительной жизни. Отсюда, изъ этого страстнаго желанія внутренняго мира и правды,— возникаетъ нерѣдко исканіе духовнаго авторитета, чтобы въ безусловномъ подчиненіи ему найти себѣ умиреніе духа и цѣль жизни. Такимъ путемъ—сколько высокихъ душъ приведено было и донынѣ приводится въ Римскую церковь, гдѣ вѣковымъ опытомъ и трудомъ цѣлыхъ поколѣній выработана художественно дисциплина умиренія душъ усталыхъ и обремененныхъ жизнію.

Ея стремленіе ко всему возвышенному искало себѣ удовлетворенія въ религіи, въ природѣ—и въ людяхъ. L'admiration,—писала она,—c'est mon soleil, ma joie, le plus doux sentiment que je connaisse.

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Нѣтъ для меня больше радости, какъ радость—въ человѣкѣ. Видишь общую физіономію,—и вдругъ въ этомъ образѣ появляются черты и оттѣнки красоты, и вдругъ иногда между одной и другой душою выпадетъ слово огненнаго свѣта, и затѣмъ на минуту исчезнетъ между ними все условное въ жизни человѣческой, и всякія различія породы, воспитанія, нрава, все померкнетъ передъ ощущеніемъ божественнаго въ при-

родѣ человѣческой. И знаете ли, что еще въ этомъ плѣняетъ меня? Чувство абсолютнаго равенства съ человѣкомъ, который производитъ на меня такое — пріятное — впечатлѣніе. Ни въ политикѣ, ни въ общественномъ смыслѣ я не жалую демократіи и этого духа нѣтъ во мнѣ, и отъ того ощущаю такую радость, когда вдругъ это пошлое слово «равенство» отзовется во мнѣ истиною — а еще радостнѣе для меня, когда я могу душу свою преклонить предъ другой душою — взоръ мой только и проситъ, чтобы стремиться кверху».

Но, воспріимчивая ко всему высокому и благородному въ человѣческой природѣ, ко всякому проявленію любви, правды и духовной энергіи, неумолимо строгая къ себѣ самой, она была болѣзненно чувствительна ко всякому проявленію лжи,— своекорыстія, пошлости, мелкихъ и низкихъ побужденій. Сколько разъ приходилось ей обманываться, разубѣждаться въ томъ, кому случалось повѣрить, разбивать прежніе образы своего восторга и поклоненія,— или покрывать состраданіемъ своимъ мнимыя когда-то добродѣтели. Правда, изъ далекаго прошедшаго, изъ памятниковъ исторіи и искусства, съ которыми близко ознакомили ее поѣздки по Европѣ,— выступали передъ нею на своихъ пьедесталахъ герои мысли и искусства, подвижники великихъ дѣлъ; но въ настоящемъ, посреди дѣйствительной жизни, и въ той сферѣ, въ которой она жила и обращалась,— ожидалъ ее рядъ надрывающихъ душу

разочарованій: вспомнимъ, сколько встрѣчалось ихъ въ нашемъ обществѣ въ эпоху всеобщаго броженія мысли въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Она искала выхода изъ этой борьбы, подобно тому какъ искала его въ иную эпоху, прежде чѣмъ вступила въ придворныя сферы. Тогда думала она найти умиротвореніе свое въ подчиненіи воли человѣку, которому готова была ввѣриться. «Was Ich Ihnen versprechen kann, писала она въ 1854 году Вальтеру, ist unbedingter Gehorsam, wenn Sie mir etwas verschreiben wollten, und den wärmsten Dank für jedes Wort des Trostes». Теперь миновало уже для нея время безусловной вѣры въ человѣка, но смятенная душа съ новою силой искала выхода изъ несканчаемыхъ противорѣчій жизни. Вотъ что писала она въ 1861 году.

«J'aime le passé—je sens que les fibres les plus sensibles et les plus tenaces de mon âme y ont pris racine et vont y puiser sans cesse des éléments de force et de patience. Et le passé au fond, avec ses teintes un peu vagues, ses contours adoucis, la lucidité de sa signification pour nous, n'est-il pas le seul moment de l'existence sur lequel notre esprit peut s'arrêter sans trouble? Le présent et l'avenir—quelle dérision! Le dégoût pour les choses qui m'entourent,—une absence complète d'enthousiasme pour un avenir qui ne correspond à aucune de mes sympathies—voilà ce qui m'accable et m'attend dans le monde social. L'âme ne saurait répondre de sa puissance de résistante en de pareilles conjonctures:—j'ai quelquefois

l'impression d'un abaissement moral inévitable — déja commencé peut être, et qui croit à mesure que le stoicisme exterieur prend le dessus. Dans le monde on arrive si facilement à cette manière sauvage de faire face à la douleur et à la tentation, montrer un visage serein à ceux qu'on méprise, enfermer ses dégoûts dans une triple cuirasse, et traverser le défi au front et la mort dans le coeur les fanges qu'on amasse sous vos pas — voilà une tentation à laquelle un esprit fier résiste difficilement, mais qui renferme — je l'eprouve — des élements destructeurs. Vous avez dans l'âme des tendresses et par conséquent des soumissions infinies — le contrepoids est donc tout trouvé pour vous. Quant à moi qui ai beaucoup de réflexion et par conséquent beaucoup de révoltes dans l'ésprit, je sens que la balance s'enlève dans les airs... Alors, instinctivement mes regards vont chercher l'asile divin d'une autorité sainte et le majestueux édifice de l'église catholique m'ouvre ses portes!“ *

---

* Я люблю прошедшее — чувствую, что корни его въ глубинѣ души моей, что отсюда душа моя почерпаетъ силу для бодрости и терпѣнія. И кажется мнѣ, прошедшее это единственное время бытія нашего, на которомъ мысль можетъ останавливаться безъ смущенія: его поблѣднѣвшія краски, мягкія очертанія, прозрачность перспективы — все это усиливаетъ его значеніе. А настоящее, — а будущее — на чемъ тутъ остановиться! Окружающее меня возбуждаетъ во мнѣ чувство отвращенія, — будущее ничѣмъ не вдохновляетъ меня — въ немъ не вижу ничего, что отвѣчало бы моимъ душевнымъ стремленіямъ — вотъ что тяготитъ меня, что меня встрѣчаетъ въ средѣ общественной. Душа хочетъ бороться съ этимъ

Но это настроеніе, слава Богу, было лишь временное. Живая практическая дѣятельность, въ которую привело Эдиту ея особливое положеніе, вскорѣ помогла ей выйти изъ себя и, не примиряясь со зломъ и ложью, привлекать людей къ дѣлу ради добра и правды.

Православная русская церковь была еще заперта для нея: въ ту пору, правду сказать, и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, въ которомъ она вращалась, немного было людей, которые, принадлежа къ своей церкви, жили бы ея жизнью, могли бы ввести въ духъ ея Эдиту Раденъ и отвѣчать на пытливые запросы ума ея и сердца, а на ея понятіи о русской церкви отразились во многомъ предразсудки нѣмецко-балтійскихъ воззрѣній. Но съ теченіемъ времени душа ея прозрѣла

чувствомъ, но не въ силахъ побороть его,—и въ иныя минуты я уже сознаю въ себѣ неизбѣжность упадка нравственнаго—чувствую, что онъ уже начался и возрастаетъ по мѣрѣ того какъ усиливается привычка надѣвать на себя маску приличія. Въ свѣтѣ такъ легко пріобрѣтается эта дикая привычка равнодушно смотрѣть и на горе и на соблазнъ,—обращаться съ ясною улыбкой къ людямъ, которыхъ презираешь, прикрывать тройной броней свое отвращеніе, съ болью въ сердцѣ и съ невозмутимымъ на лицѣ спокойствіемъ проходить черезъ всякую грязь,—вотъ искушеніе, которому трудно противиться,—но оно вноситъ разложеніе нравственное въ гордую душу. У кого въ душѣ много мягкой нѣжности, кому не трудно покоряться,—у тѣхъ есть еще сила умиротворяющая. У меня слишкомъ сильно все отражается въ душѣ, и отъ того мысль многомятежная, и нѣтъ равновѣсія. Въ такія минуты взоръ мой ищетъ прибѣжища у святилища божественной власти, и открываются предо мною двери величественнаго зданія католической церкви!

и въ эту сторону. Чуткая душа, воспитанная на священной поэзіи библейскихъ словъ и выраженій, скоро распознала глубокій смыслъ и высокую поэзію православнаго богослуженія и научилась, не останавливаясь на формахъ и символахъ, проникать въ глубокое ихъ содержаніе. Въ Москвѣ, куда пріѣзжала она съ Великой Княгиней, открылось ей все историческое величіе православной церкви и стало понятно живое ея отраженіе въ душѣ народной, равно какъ и отраженіе въ ней народной души и народной вѣры. Въ Москвѣ же пришлось ей сблизиться съ людьми, которые впервые могли разсказать ей о церкви и о вѣрѣ народной все то, на что слышались запросы въ душѣ ея: Самарины, К. Черкасскій, Тютчевы—могли сказать ей подлинно новыя слова, какихъ она не слыхала прежде. Здѣсь нашла она новыхъ людей, почуявшихъ въ ней благородную душу и пріобрѣла въ нихъ друзей себѣ на всю жизнь.

По внутреннему убѣжденію, по складу мысли, по преданіямъ своей родины, семьи своей и всего того круга, изъ коего приняла она первыя впечатлѣнія юности,—она оставалась протестанткою; но сердце ея способно было ощущать истину и красоту всюду, гдѣ-бы оно ее ни встрѣтило, и понимать многоразличныя потребности духа въ его проявленіяхъ. Владѣя превосходно и русскимъ и нѣмецкимъ словомъ, она перевела на нѣмецкій языкъ, и перевела въ совершенствѣ, извѣ-

стное предисловіе Самарина къ сочиненіямъ Хомякова, и статью Хомякова о единой Церкви. По поводу этихъ переводовъ писала она въ 1871 году: «Je vénère l'Eglise du pays auquel j'appartiens, parceque j'ai appris à la connaitre et j'en apprécie la force à raison de sa douceur! On la méconnait, on la juge à faux par ignorance — comment ne saisirais-je pas avec empressement chaque occasion de la montrer sous son vrai jour! Comment ne me serait-il pas doux d'apporter mon grain de sable à une oeuvre de vérité, qui, en éclairant les esprits, doit nécessairement allumer la charité fraternelle dans les coeurs! Que m'importe la divergence de dogmes qui ne font pas de salut! Но — прибавляла она — tout ceci n'implique aucune solidarité de doctrine, aucune acceptation tacite de quelque enseignement que ce soit, contraire au protestantisme: ce que je pense, ce que je dis, ce que je fais, est strictement protestant». * И не одна сила преданія привязывала ее

* Я чту церковь страны своей, потому что научилась познавать ее и кротость ея помогла мнѣ оцѣнить всю ея силу. Ее не хотятъ знать, судятъ о ней неправо по невѣдѣнію—и я съ горячностью вступаюсь за нее всякій разъ, когда представляется случай показать ее въ истинномъ видѣ. Можетъ ли не быть мнѣ отрадно— вложить каплю труда своего въ дѣло истины, которое, проливая свѣтъ въ умы, въ то же время возбуждаетъ въ сердцахъ чувство любви братской? Не важное для меня дѣло—разность догматовъ, потому что не въ этомъ я вижу спасеніе... Но все это не влечетъ за собой солидарности съ цѣлымъ вѣроученіемъ церкви, безмолвнаго согласія съ какою-либо частью, противною протестантскому ученію: все что я думаю, все что говорю я, все что я дѣлаю,— отвѣчаетъ ему совершенно...

къ религіи отцовъ и дѣдовъ, хотя и слѣдила она съ грустнымъ чувствомъ за разложеніемъ религіознаго чувства и старыхъ преданій протестантства въ новой Германіи. Къ протестантству привлекалъ ее тотъ идеалъ, который носила она съ дѣтства въ душѣ своей и который соединяла съ идеей Лютерова ученія — идеалъ осуществленія *правды* Божіей въ христіанской жизни. Въ 1875 году, по поводу извѣстной книги о семейной жизни Вине̇, она писала: «Mon coeur retrouve dans ce tableau le type parfait que peut réaliser l'Eglise protestante. Elle y arrive, malgré ses erreurs, l'abime ouvert sous ses pas par l'incrédulité, l'aride austerité de son culte, seulement en vertu de son ardent amour de la *vérité,* cette appellation de Dieu qui est la plus chére à l'ésprit germanique. Etablir une *vraie* filiation entre ce que l'on fait, ce que l'on pense et ce que l'on sent, et alimenter ses sentiments à la source vive de la verité éternelle, qui est l'Amour éternel — quelle existence idéale!» *

---

* Сердце мое находитъ въ этомъ описаніи (семейной жизни Вине̇) совершенный образъ того, что можетъ осуществить протестантская церковь. Этого достигаетъ она,—не смотря на свои заблужденія, не смотря на бездну безвѣрія, разверстую на пути ея, не смотря на строгую сухость своего богослуженія,—достигаетъ единственно въ силу своего пламеннаго стремленія къ *истинѣ*, къ этому имени Божію, которое всего дороже германскому духу. Установить *истинную* связь между тѣмъ, что дѣлаетъ человѣкъ, и тѣмъ, что онъ мыслитъ и чувствуетъ, и оживлять всѣ чувствованія у источника вѣчной истины и вѣчной любви—вотъ идеалъ человѣческой жизни!

Семейныя дѣла и отношенія вызвали поѣздку ея въ Кострому, гдѣ пришлось ей пробыть довольно долго въ средѣ исконнаго русскаго духа, видѣть вблизи народъ, и посреди величественной церковной старины вникнуть глубже въ духъ народа и его исторіи. Здѣсь сблизилась она съ другою замѣчательною женщиной, исполненной ума и энергіи, посвятившей жизнь свою благотворной дѣятельности въ средѣ церковной: то была мать Марія, игуменія Богоявленскаго Костромского монастыря. Здѣсь Эдита увидѣла русскій монастырь въ томъ идеальномъ устройствѣ, до котораго довела его мать Марія. Вотъ что писала она изъ Костромы лѣтомъ 1879 года. «Mon séjour ici est vrai voyage de découvertes: je vis comme dans un autre monde; à chaque pas je comprends mieux et autrement ce dont à Pétersbourg je me faisais des idées trés fausses. Quand un principe divin ou idéal revêt des formes qui ne nous sont pas familières, nous sommes aptes à méconnaitre, voire même à nier, l'existence du principe lui-même. Mais sitôt qu'on distingue à travers l'enveloppe inusitée, les battements du coeur, qu'on sent pour ainsi dire la chaleur de la vie divine,— il se fait dans l'âme et dans l'intelligence, un jour nouveau, et on voudrait s'écrier: je vois, je sens, je crois!

Depuis que je respire ici une atmosphère tout-à-fait nationale, dont les esprits sérieux m'expliquent encore les particularités, bien touchantes parfois, j'éprouve une impression singulière: il me semble que de Pétersbourg on

parle sans cesse français à ce jeune Siegfried inculte, mais si bon et si fort, qu'on appelle le peuple russe, et qui, lui, ne comprend que le russe! Hier j'ai passè la matinée au couvent dont vous connaissez le service divin splendide et majestueux, dans cette belle Cathédrale, artistiquement restaurée. Aprés la messe il y eut молебенъ à l'hôpital et puis repas pour les pauvres. A peu près cent mendiants infirmes s'assirent autour de longues tables où ils fûrent servis par les religieuses et les jeunes filles de l'école de la mère Marie, avec un empressement et une joie rayonnante qui faisaient du bien à voir. Les portes étaient grandes ouvertes, les boiteux arrivaient conduisant les aveugles, des paysannes courbées par l'age et la maladie faisaient place à des vieillards encore plus agés qu'elles. Les religieuses et les jeunes filles appelaient les uns et les autres de ces noms caressants qui établissent la vraie égalité entre tous; un large esprit de fraternité chrétienne régnait dans cette salle modeste, où en vérité Jésus Christ lui même semblait présent! Quand les grandes marmites fumantes fûrent placées, le pain distribué, et que les pauvres, aprés la prière, se mirent à manger avec la lenteur satisfaite de l'homme du peuple, la mère Marie fit chanter les jeunes filles de l'Ecole, et les engagea à commencer par le Боже Царя храни... Plus je vois de près la vie monastique en Russie, mieux je comprends sa profonde signification pour le pays et le bien immense qu'elle est appelée à faire dans l'avenir, et plus je m'étonne

de l'indifférence absolue avec laquelle on la traite à Pétersbourg».

Вотъ что писала она позже, въ 1883 году, изъ Москвы. «Combien je jouis de mon séjour à Moscou. Malgré le temps, les chemins, les fatigues, même malgré les visites, mes ennemies mortelles, *je me repose ici*... Je me sens dans une atmosphère naturelle, entourée de traditions qui donnent par leur passé un caractère au présent. Malgré la décadence intellectuelle et morale de Moscou, on y rencontre des individus accessibles à des idées abstraites, amoureux de choses qui ne sont pas *eux*. Et puis, ce silence, ce calme, lorsqu'on peut se recueillir dans un travail sérieux! Je n'en finirais pas si je voulais énumérer ce qui me plait à Moscou — les bonnes impressions engloutissent les mauvaises et me donnent du nerf pour l'avenir». *

* *Изъ Костромы.* Мое пребываніе здѣсь — хроника откровеній: я живу точно въ другомъ мірѣ. На каждомъ шагу лучше и иначе понимаю, о чемъ въ Петербургѣ имѣла совсѣмъ ложное понятіе. Когда божественное или идеальное начало является въ необычныхъ для насъ формахъ, мы склонны не узнавать, — иногда и отрицать рѣшительно въ этихъ формахъ присутствіе самого идеальнаго начала. Но какъ скоро, сквозь необычную оболочку, начинаешь распознавать біеніе сердца, ощущать — такъ сказать — теплоту жизни божественной, — въ душу и въ разумную мысль проникаетъ новый свѣтъ, — и хочется вскрикнуть: вижу, чувствую — и вѣрю!

Съ тѣхъ поръ какъ я дышу здѣсь совершенно національною атмосферой, коей особенности, нерѣдко трогательныя, объясняются мнѣ серьезными людьми, я испытываю странное впечатлѣніе: мнѣ представляется, что изъ Петербурга мы говоримъ все по французски съ этимъ юнымъ Зигфридомъ, котораго зовутъ народомъ русскимъ; а онъ, по нашему необразованный, но такой добрый и

Особенное значеніе въ ея развитіи имѣла — дружба ея съ Юріемъ Самаринымъ. Эти двѣ души, равно благородныя и возвышенныя, могли понять и оцѣнить другъ друга. У обоихъ былъ умъ, воспитанный глубиною мысли, многостороннимъ образованіемъ, близкимъ обращеніемъ съ знаменитостями русскаго и европейскаго общества, у обоихъ горѣло въ душѣ чувство правды и стремленіе къ правдѣ въ духѣ и въ жизни. Оба, — хотя не съ одной точки зрѣнія, проникнуты были горячимъ чувствомъ любви къ русскому отечеству и негодованія противу всякой лжи и неправды. Но у Эдиты Раденъ это чувство раздвоялось, осложняясь любовью къ особенной ея Балтійской родинѣ, откуда приняла она первыя свои ощущенія и первыя мысли умственной

такой сильный, понимаетъ только русскую рѣчь! Вчера я провела утро въ монастырѣ: вы знаете, какъ величественно, какъ великолѣпно совершается божественная служба въ этомъ прекрасномъ, художественно возстановленномъ соборѣ. Послѣ обѣдни былъ молебенъ въ больницѣ и потомъ трапеза для бѣдныхъ. Около ста увѣчныхъ нищихъ сидѣло за длинными столами: имъ служили монахини и дѣвочки изъ школы матери Маріи, съ такимъ радостнымъ усердіемъ, что весело было смотрѣть. Въ открытыя настежь двери входили хромыя ведя за собою слѣпыхъ, за крестьянками, согбенными отъ старости и болѣзни, шли старики, еще ихъ дряхлѣе. И монахини и дѣвочки встрѣчали ихъ ласковыми привѣтствіями: духъ широкаго братства царилъ въ этой скромной залѣ, такъ что, казалось, тутъ самъ Христосъ присутствуетъ. Когда разставили по столамъ дымящіяся миски, роздали хлѣбъ, и бѣдняки, послѣ молитвы, принялись съ довольнымъ видомъ за кушанье, мать Марія велѣла дѣвочкамъ пѣть, и запѣли прежде всего Боже Царя храни... Чѣмъ ближе всматриваюсь въ мона-

культуры, откуда вынесла преданія цѣлаго ряда поколѣній. На этой почвѣ невозможно было ей избѣжать столкновенія съ мыслью Самарина — автора «Рижскихъ писемъ», издателя «Окраинъ Россіи»; но дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, исполненная неизмѣнной искренности въ мысли и въ словѣ — выдержала и это испытаніе. Эдитѣ пришлось оплакать горькую потерю этого друга, — но до самой кончины его отношенія ихъ оставались неизмѣнными, и сохранившаяся послѣ обоихъ переписка (изданная въ Москвѣ въ 1893 г.) останется навсегда памятникомъ дружественной борьбы крѣпкаго, глубокаго мужского ума, проникнутаго сознаніемъ правоты своей, съ глубокою женской душой, вооруженною всей горячностью чувства ищущаго правды въ человѣческихъ отношеніяхъ.

стырскій бытъ въ Россіи, тѣмъ болѣе понимаю глубокое значеніе монастыря для всей страны и то великое благо, которое еще ожидается отъ него въ будущемъ и тѣмъ болѣе изумляюсь равнодушію, съ которымъ относятся къ нему въ Петербургѣ.

Какъ я наслаждаюсь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Несмотря на дурную погоду, на утомительные разъѣзды, даже не смотря на визиты, которыхъ терпѣть не могу, все таки я *отдыхаю здѣсь*. Я чувствую себя въ натуральной атмосферѣ, окружена преданіями, которыя изъ прошедшаго даютъ настоящему особенное значеніе. Не смотря на умственный и нравственный упадокъ Москвы, здѣсь встрѣчаешь людей, коимъ доступны отвлеченныя идеи, людей увлекающихся не однимъ тѣмъ, что относится къ своему *я*. А еще — чего стоитъ это затишье, въ которомъ можно сосредоточиться для серьезной работы! Но я не кончила бы, еслибы пришлось перечислять все что мнѣ нравится въ Москвѣ: дурныя впечатлѣнія поглощаются добрыми, и все это укрѣпляетъ про запасъ мою нравственную силу.

Въ послѣдніе годы своей жизни Эдита освоилась съ нашей церковью и находила въ ней утѣшеніе,— не разрывая своихъ связей съ тѣмъ исповѣданіемъ, въ которомъ родилась и съ которымъ неразрывно соединяли ее и воспоминанія юности и преданія домашняго очага и родственныя сердечныя отношенія. Въ ней не было ни малѣйшаго слѣда того лютеранскаго фанатизма, который свысока и презрительно относится къ иновѣрцамъ, полагая себя центромъ и свѣтомъ единственнаго культурнаго и разумнаго вѣрованія. Глубоко понимая— непонятный для массы лютеранъ—смыслъ не только догматовъ, но и обрядовъ православія, оцѣнивъ художественно и даже полюбивъ красоту нашего богослуженія, она была способна въ нашей церкви молиться вмѣстѣ съ нами, и не была чужая намъ по духу, хотя формально не принадлежала къ нашей церкви. Тяжкую болѣзнь свою она переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ, скрывая свои страданія и отъ ближнихъ друзей своихъ. Но ближніе ея друзья, нѣжно и глубоко ее любившіе, были православные люди—и религіозное ихъ настроеніе отражалось на больной, лежавшей безъ движенія въ послѣдніе дни предсмертной болѣзни. Потухавшій взоръ ея точно просилъ у нихъ молитвы и съ любовью останавливался на иконѣ Спасителя и Божіей Матери, которую принесла къ умирающей нѣжнолюбившая ее мать Марія, Костромская игуменія. Какъ подозрительно смотрѣлъ на эту икону пасторъ, посѣ-

культуры, откуда вынесла преданія цѣлаго ряда поколѣній. На этой почвѣ невозможно было ей избѣжать столкновенія съ мыслью Самарина — автора «Рижскихъ писемъ», издателя «Окраинъ Россіи»; но дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, исполненная неизмѣнной искренности въ мысли и въ словѣ — выдержала и это испытаніе. Эдитѣ пришлось оплакать горькую потерю этого друга, — но до самой кончины его отношенія ихъ оставались неизмѣнными, и сохранившаяся послѣ обоихъ переписка (изданная въ Москвѣ въ 1893 г.) останется навсегда памятникомъ дружественной борьбы крѣпкаго, глубокаго мужского ума, проникнутаго сознаніемъ правоты своей, съ глубокою женской душой, вооруженною всей горячностью чувства ищущаго правды въ человѣческихъ отношеніяхъ.

стырскій бытъ въ Россіи, тѣмъ болѣе понимаю глубокое значеніе монастыря для всей страны и то великое благо, которое еще ожидается отъ него въ будущемъ и тѣмъ болѣе изумляюсь равнодушію, съ которымъ относятся къ нему въ Петербургѣ.

Какъ я наслаждаюсь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Несмотря на дурную погоду, на утомительные разъѣзды, даже не смотря на визиты, которыхъ терпѣть не могу, все таки я *отдыхаю здѣсь.* Я чувствую себя въ натуральной атмосферѣ, окружена преданіями, которыя изъ прошедшаго даютъ настоящему особенное значеніе. Не смотря на умственный и нравственный упадокъ Москвы, здѣсь встрѣчаешь людей, коимъ доступны отвлеченныя идеи, людей увлекающихся не однимъ тѣмъ, что относится къ своему *я.* А еще — чего стоитъ это затишье, въ которомъ можно сосредоточиться для серьезной работы! Но я не кончила бы, еслибы пришлось перечислять все что мнѣ нравится въ Москвѣ: дурныя впечатлѣнія поглощаются добрыми, и все это укрѣпляетъ про запасъ мою нравственную силу.

Особенное значеніе въ ея развитіи имѣла—дружба ея съ Юріемъ Самаринымъ. Эти двѣ души, равно благородныя и возвышенныя, могли понять и оцѣнить другъ друга. У обоихъ былъ умъ, воспитанный глубиною мысли, многостороннимъ образованіемъ, близкимъ обращеніемъ съ знаменитостями русскаго и европейскаго общества, у обоихъ горѣло въ душѣ чувство правды и стремленіе къ правдѣ въ духѣ и въ жизни. Оба,— хотя не съ одной точки зрѣнія, проникнуты были горячимъ чувствомъ любви къ русскому отечеству и негодованія противу всякой лжи и неправды. Но у Эдиты Раденъ это чувство раздвоялось, осложняясь любовью къ особенной ея Балтійской родинѣ, откуда приняла она первыя свои ощущенія и первыя мысли умственной

такой сильный, понимаетъ только русскую рѣчь! Вчера я провела утро въ монастырѣ: вы знаете, какъ величественно, какъ великолѣпно совершается божественная служба въ этомъ прекрасномъ, художественно возстановленномъ соборѣ. Послѣ обѣдни былъ молебенъ въ больницѣ и потомъ трапеза для бѣдныхъ. Около ста увѣчныхъ нищихъ сидѣло за длинными столами: имъ служили монахини и дѣвочки изъ школы матери Маріи, съ такимъ радостнымъ усердіемъ, что весело было смотрѣть. Въ открытыя настежь двери входили хромыя ведя за собою слѣпыхъ, за крестьянками, согбенными отъ старости и болѣзни, шли старики, еще ихъ дряхлѣе. И монахини и дѣвочки встрѣчали ихъ ласковыми привѣтствіями: духъ широкаго братства царилъ въ этой скромной залѣ, такъ что, казалось, тутъ самъ Христосъ присутствуетъ. Когда разставили по столамъ дымящіяся миски, роздали хлѣбъ, и бѣдняки, послѣ молитвы, принялись съ довольнымъ видомъ за кушанье, мать Марія велѣла дѣвочкамъ пѣть, и запѣли прежде всего Боже Царя храни... Чѣмъ ближе всматриваюсь въ мона-

культуры, откуда вынесла преданія цѣлаго ряда поколѣній. На этой почвѣ невозможно было ей избѣжать столкновенія съ мыслью Самарина — автора «Рижскихъ писемъ», издателя «Окраинъ Россіи»; но дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, исполненная неизмѣнной искренности въ мысли и въ словѣ — выдержала и это испытаніе. Эдитѣ пришлось оплакать горькую потерю этого друга, — но до самой кончины его отношенія ихъ оставались неизмѣнными, и сохранившаяся послѣ обоихъ переписка (изданная въ Москвѣ въ 1893 г.) останется навсегда памятникомъ дружественной борьбы крѣпкаго, глубокаго мужского ума, проникнутаго сознаніемъ правоты своей, съ глубокою женской душой, вооруженною всей горячностью чувства ищущаго правды въ человѣческихъ отношеніяхъ.

стырскій бытъ въ Россіи, тѣмъ болѣе понимаю глубокое значеніе монастыря для всей страны и то великое благо, которое еще ожидается отъ него въ будущемъ и тѣмъ болѣе изумляюсь равнодушію, съ которымъ относятся къ нему въ Петербургѣ.

Какъ я наслаждаюсь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Несмотря на дурную погоду, на утомительные разъѣзды, даже не смотря на визиты, которыхъ терпѣть не могу, все таки я *отдыхаю здѣсь*. Я чувствую себя въ натуральной атмосферѣ, окружена преданіями, которыя изъ прошедшаго даютъ настоящему особенное значеніе. Не смотря на умственный и нравственный упадокъ Москвы, здѣсь встрѣчаешь людей, коимъ доступны отвлеченныя идеи, людей увлекающихся не однимъ тѣмъ, что относится къ своему *я*. А еще — чего стоитъ это затишье, въ которомъ можно сосредоточиться для серьезной работы! Но я не кончила бы, еслибы пришлось перечислять все что мнѣ нравится въ Москвѣ: дурныя впечатлѣнія поглощаются добрыми, и все это укрѣпляетъ про запасъ мою нравственную силу.

Въ послѣдніе годы своей жизни Эдита освоилась съ нашей церковью и находила въ ней утѣшеніе,— не разрывая своихъ связей съ тѣмъ исповѣданіемъ, въ которомъ родилась и съ которымъ неразрывно соединяли ее и воспоминанія юности и преданія домашняго очага и родственныя сердечныя отношенія. Въ ней не было ни малѣйшаго слѣда того лютеранскаго фанатизма, который свысока и презрительно относится къ иновѣрцамъ, полагая себя центромъ и свѣтомъ единственнаго культурнаго и разумнаго вѣрованія. Глубоко понимая— непонятный для массы лютеранъ—смыслъ не только догматовъ, но и обрядовъ православія, оцѣнивъ художественно и даже полюбивъ красоту нашего богослуженія, она была способна въ нашей церкви молиться вмѣстѣ съ нами, и не была чужая намъ по духу, хотя формально не принадлежала къ нашей церкви. Тяжкую болѣзнь свою она переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ, скрывая свои страданія и отъ ближнихъ друзей своихъ. Но ближніе ея друзья, нѣжно и глубоко ее любившіе, были православные люди—и религіозное ихъ настроеніе отражалось на больной, лежавшей безъ движенія въ послѣдніе дни предсмертной болѣзни. Потухавшій взоръ ея точно просилъ у нихъ молитвы и съ любовью останавливался на иконѣ Спасителя и Божіей Матери, которую принесла къ умирающей нѣжнолюбившая ее мать Марія, Костромская игуменія. Какъ подозрительно смотрѣлъ на эту икону пасторъ, посѣ-

щавшій больную! Конечно, онъ боялся, какъ бы православные не похитили тайно эту овцу изъ его стада. Напрасныя опасенія:—въ числѣ православныхъ друзей Эдиты никто не рѣшился бы насиловать ея совѣсть,—но всѣ чувствовали, что въ ней угасаетъ пламя, разогрѣтое нашимъ огнемъ, и когда совершилось надъ нею таинство смерти, всѣмъ, правда, больно было, что не совершится надъ нею церковная красота нашего отпѣванія.

Такъ ея не стало. Плакали надъ ея останками многія осиротѣвшія души, которыя она держала своею нравственною силой, души требующія властной воли, разумнаго совѣта, нѣжной ласки, дѣятельнаго участія. Плакали друзья, для которыхъ она была вѣрнымъ другомъ и силою для живаго общенія просвѣщенной мысли. Не одни слабые,—плакали и сильные, которые теряли въ ней—голосъ вѣрной совѣсти и крѣпкаго разума, и руку готовую на дѣятельное осуществленіе живой и правой мысли.

12 октября 1885 года мы опустили ее въ могилу на Петергофскомъ кладбищѣ. Тамъ лежитъ она, посреди множества заросшихъ могилъ... Но память ея жива и благоухаетъ, посреди—увы! уже не многихъ оставшихся друзей ея. Для нихъ написаны эти страницы—въ память усопшей дорогой и милой нашей Эдиты.

жизни тамъ, гдѣ ея не было, къ поощренію таланта и добросовѣстнаго труда, въ комъ бы и то и другое ни встрѣчалось, къ вызову новыхъ силъ, новыхъ работниковъ на поле науки. Созданіе его — Археологическій Институтъ служитъ живымъ памятникомъ этой его дѣятельности. Не было въ немъ и слѣда мелкой зависти и мелкаго тщеславія, — пороковъ, которые, на бѣду, такъ часто соединяются съ талантомъ и знаніемъ; не было у него тайной склонности приближать къ себѣ и выставлять около себя ничтожныхъ людей, чтобъ самому не утратить возлѣ нихъ своего блеска или величія... Эти свойства и наклонности были чужды благородной душѣ Николая Васильевича: онъ радовался — дѣтскою радостью — всякому успѣху въ ученикахъ своихъ и заботился всего болѣе о томъ, чтобъ выставить заслугу и значеніе каждаго труда, совершеннаго подъ его руководствомъ.

Въ своемъ дѣлѣ умѣлъ онъ распознавать и отыскивать людей и привлекать ихъ къ себѣ; умѣлъ, потому что Богъ далъ ему свойство простоты душевной, пособляющей входить въ прямое и искреннее общеніе съ людьми, помимо чиновничьяго величія, помимо бумаги и начальственнаго обращенія. Эта простота дала ему возможность и въ званіи сенатора и въ знатномъ чинѣ, сохранить *невинность* мысли и чувства, и подъ шитымъ мундиромъ соблюсти благожелательное, веселое и бодрое расположеніе, свой-

ученыхъ, и не потому даже, что трудолюбіе его было безгранично,—но потому, что онъ истинно любилъ науку, любилъ чистою, безкорыстною, священною любовью.

При томъ эта была не та платоническая любовь, какою одержимы иные ученые, витающіе въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія, отрѣшеннаго отъ дѣйствительной жизни. Для Калачова—наука его дышала жизнью и была нераздѣльна съ землею, по которой ходилъ онъ, съ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ, съ тѣмъ чувствомъ гражданина земли своей, которое понимаетъ явленія минувшей жизни въ живой, непрерывной связи съ бытомъ настоящаго времени.

Отъ того и полюбилъ онъ эту науку, что съ малыхъ лѣтъ привыкъ вдумываться въ памятники и слѣды прошедшаго, и въ нихъ искать исторической связи съ настоящею жизнью. Онъ шелъ не тѣмъ путемъ, какимъ идутъ иные молодые ученые, воспринимая изъ той или другой англійской или нѣмецкой книги первыя впечатлѣнія и понятія о зарожденіи, развитіи и достоинствѣ нравовъ и учрежденій. Калачовъ, сынъ земли своей, обратилъ прежде всего свою пытливость на то, что привлекало взглядъ его около него, на родной почвѣ, въ родной исторіи. Будучи еще ребенкомъ, потомъ юнымъ студентомъ Московскаго Университета, онъ съ жадностью погружался въ чтеніе лѣтописей, старинныхъ актовъ,—онъ ходилъ по старымъ

монастырямъ и разыскивалъ надгробные камни на старыхъ полуразрушенныхъ кладбищахъ; изучалъ старые свитки въ архивахъ. Здѣсь-то съ юныхъ лѣтъ онъ воспиталъ въ себѣ и остроту смысла, драгоцѣнную для историческаго изслѣдователя, и ту добросовѣстность въ работѣ, которая не опускаетъ ни одной черты въ изслѣдованіи предмета, и не позволяетъ себѣ скачковъ въ выводѣ и мечтательныхъ обобщеній.

Труды его извѣстны всѣмъ. Трудно и перечислить, чѣмъ ему обязана наука русской исторіи и археологіи. Но еще цѣннѣе то драгоцѣнное свойство, что работая самъ, онъ постоянно думалъ и заботился о привлеченіи другихъ къ той же работѣ, о возбужденіи новыхъ силъ въ своей наукѣ, объ оживленіи интереса къ ней во всѣхъ, кто подходилъ къ труду его, особенно въ молодыхъ людяхъ. Имя учениковъ его — легіонъ, и многіе ему обязаны пробужденіемъ мысли, направившей на истинный путь всю научную ихъ дѣятельность.

Огонь, горѣвшій въ немъ, не переставалъ горѣть живымъ и яснымъ пламенемъ. Многіе видали его усталымъ въ обыкновенномъ разговорѣ, но когда рѣчь касалась предмета науки его, онъ мгновенно оживлялся, и едва ли кто замѣчалъ въ немъ вялость мысли и ощущеній въ подобныя минуты.

Первыя его работы — *Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, О сошномъ письмѣ, О писцовыхъ книгахъ,* совершались и получили извѣстность сначала въ тѣсномъ кругу уче-

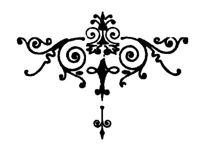
ныхъ. Это было въ 40-хъ годахъ. Но въ душѣ его жила потребность возбуждать движеніе мысли въ другихъ, около себя; онъ взялся за академическую дѣятельность въ аудиторіяхъ Московскаго Университета; а потомъ, когда стали возникать въ русскомъ обществѣ новые вопросы жизни и дѣятельности, онъ ловилъ эти вопросы съ жадностью, вводя ихъ въ сферу своего историческаго изслѣдованія. Въ 50-хъ годахъ онъ предпринялъ съ этою цѣлью — единственное въ своемъ родѣ изданіе *Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи*, — и вскорѣ, увлекшись вопросами юридической практики, назрѣвавшими у насъ передъ введеніемъ судебной реформы, началъ изданіе *Юридическаго Вѣстника*. За тѣмъ, въ званіи директора Московскаго Архива министерства юстиціи, ставъ хозяиномъ массы драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, онъ сталъ вносить въ нее свѣтъ и порядокъ трудами новыхъ, молодыхъ дѣятелей: трудно взвѣсить добро, которое сдѣлалъ онъ, отыскивая людей, жаждавшихъ поля для работы; онъ ставилъ ихъ на трудъ, онъ возбуждалъ въ нихъ живой интересъ къ дѣлу, руководилъ первые неопытные шаги ихъ и успѣвалъ воспитать въ нихъ дѣльныхъ работниковъ и ученыхъ для исторической науки. Голова его работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ; новые планы, одинъ за другимъ, возникали въ умѣ его и всѣ были направлены къ одной цѣли — къ возбужденію новой

жизни тамъ, гдѣ ея не было, къ поощренію таланта и добросовѣстнаго труда, въ комъ бы и то и другое ни встрѣчалось, къ вызову новыхъ силъ, новыхъ работниковъ на поле науки. Созданіе его — Археологическій Институтъ служитъ живымъ памятникомъ этой его дѣятельности. Не было въ немъ и слѣда мелкой зависти и мелкаго тщеславія, — пороковъ, которые, на бѣду, такъ часто соединяются съ талантомъ и знаніемъ; не было у него тайной склонности приближать къ себѣ и выставлять около себя ничтожныхъ людей, чтобъ самому не утратить возлѣ нихъ своего блеска или величія... Эти свойства и наклонности были чужды благородной душѣ Николая Васильевича: онъ радовался — дѣтскою радостью — всякому успѣху въ ученикахъ своихъ и заботился всего болѣе о томъ, чтобъ выставить заслугу и значеніе каждаго труда, совершеннаго подъ его руководствомъ.

Въ своемъ дѣлѣ умѣлъ онъ распознавать и отыскивать людей и привлекать ихъ къ себѣ; умѣлъ, потому что Богъ далъ ему свойство простоты душевной, пособляющей входить въ прямое и искреннее общеніе съ людьми, помимо чиновничьяго величія, помимо бумаги и начальственнаго обращенія. Эта простота дала ему возможность и въ званіи сенатора и въ знатномъ чинѣ, сохранить *невинность* мысли и чувства, и подъ шитымъ мундиромъ соблюсти благожелательное, веселое и бодрое расположеніе, свой-

касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Въ 30-хъ годахъ — въ эпоху появленія безсмертной комедіи Грибоѣдова — довольно уже накопилось въ умахъ серьезныхъ и въ сердцахъ у простыхъ людей полу-сознательнаго негодованія противъ уродливыхъ отраженій внѣшней западной культуры — въ жизни и обычаяхъ, во взглядахъ и мнѣніяхъ русскаго общества, въ оффиціальномъ строѣ управленія, въ направленіи законодательства. Свѣжа была еще память о томъ цинизмѣ, съ коимъ относились юные реформаторы Россіи къ живому ея организму, къ ея исторіи и къ быту народному, въ началѣ царствованія Александра, о презрительномъ отношеніи высшаго Петербургскаго круга къ родной церкви, о рабскомъ поклоненіи мнимому величію римско-католическаго культа, мнимому достоинству формъ быта, выросшихъ изъ чуждой намъ исторіи; а недавнія событія 1825 года показали, до какого самообольщенія могутъ дойти самые передовые умы въ русскихъ людяхъ, горячо преданныхъ благу Россіи, подъ вліяніемъ ложной вѣры въ ложное начало искусственной и чуждой намъ цивилизаціи. Съ другой стороны, внимательный наблюдатель современныхъ событій могъ видѣть, какъ само правительство, въ царствованіе безспорно русскаго по душѣ Николая I, грозное, и въ полномъ сознаніи своей силы, безсознательно поступалось русскими интересами во внѣшней и во внутренной политикѣ, оттого что *не знало* своего прошедшаго (вспомнимъ, какъ,

подъ сводами стариннаго храма, фигуру студента Калачова. И не измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, храня до послѣднихъ дней своихъ живую вѣру и привязанность къ храму Божію. Вѣруемъ, что добрая душа его, столько потрудившаяся здѣсь на землѣ, обрѣла себѣ вѣчный покой у Бога... Вѣчная ему память!

Аксаковы.

27-го января 1886 года † Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Увы! взятъ отъ насъ еще одинъ въ родѣ своемъ послѣдній, незамѣнимый дѣятель и боецъ. Многіе явятся идти по слѣдамъ его и продолжать его дѣло,—но войдутъ ли они въ силу, и когда войдутъ, и успѣютъ ли пріобрѣсть себѣ подвигомъ цѣлой жизни имя, подобное его имени? Подобныхъ ему не осталось, потому что онъ стоялъ и дѣйствовалъ, такъ сказать, *на костяхъ* цѣлаго поколѣнія, отъ коего онъ, и одинъ онъ, принялъ всю годами накопленную силу.

Сергѣй Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, Чижовъ, Юрій Самаринъ—для него все это были живые люди, посреди коихъ онъ выросъ и воспитался, отъ коихъ принялъ завѣтъ живого слова и жизни вѣрной слову и завѣту.

Ихъ называли *славянофилами* и соединяли имя ихъ съ понятіемъ о школѣ и ученіи особаго рода, и съ политическою бранью, которая донынѣ продолжается,

истощая силы борцовъ въ пререканіяхъ казуистики, свойственной всякому ученію школы. Но кто хочетъ понять, чего стоили и что значили эти люди, тому надобно отрѣшиться отъ узкаго понятія о школѣ, стать повыше, на широту, и взглянуть поглубже.

Это были честные и чистые русскіе люди, родные сыны земли своей, богатые русскимъ умомъ, чуткіе чутьемъ русскаго сердца, любящаго народъ свой и землю, и алчущаго и жаждущаго *правды* и *прямого дѣла* для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство съ наукою и культурой Запада не отрѣшило ихъ отъ родимой почвы, изъ которой почерпаетъ духовную силу земли всякій истинный подвижникъ земли Русской. Перегорѣвъ въ горнилѣ западной культуры, они остались плотью отъ плоти, костью отъ кости русскаго своего отечества, и правду, которую такъ пламенно желали осуществить въ немъ, искали не въ отвлеченныхъ теоріяхъ и принципахъ, но въ соотвѣтствіи вѣчныхъ началъ правды Божіей съ основными условіями природы русскаго человѣка, отразившимися въ историческомъ его бытѣ.

Они начали со того же, съ чего начинаетъ каждый искренній искатель истины,— *съ протеста* противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, господствовавшаго въ сознаніи такъ называемаго образованнаго общества, противъ презрительнаго предразсудка, самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что

касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Въ 30-хъ годахъ — въ эпоху появленія безсмертной комедіи Грибоѣдова — довольно уже накопилось въ умахъ серьезныхъ и въ сердцахъ у простыхъ людей полу-сознательнаго негодованія противъ уродливыхъ отраженій внѣшней западной культуры — въ жизни и обычаяхъ, во взглядахъ и мнѣніяхъ русскаго общества, въ оффиціальномъ строѣ управленія, въ направленіи законодательства. Свѣжа была еще память о томъ цинизмѣ, съ коимъ относились юные реформаторы Россіи къ живому ея организму, къ ея исторіи и къ быту народному, въ началѣ царствованія Александра, о презрительномъ отношеніи высшаго Петербургскаго круга къ родной церкви, о рабскомъ поклоненіи мнимому величію римско-католическаго культа, мнимому достоинству формъ быта, выросшихъ изъ чуждой намъ исторіи; а недавнія событія 1825 года показали, до какого самообольщенія могутъ дойти самые передовые умы въ русскихъ людяхъ, горячо преданныхъ благу Россіи, подъ вліяніемъ ложной вѣры въ ложное начало искусственной и чуждой намъ цивилизаціи. Съ другой стороны, внимательный наблюдатель современныхъ событій могъ видѣть, какъ само правительство, въ царствованіе безспорно русскаго по душѣ Николая I, грозное, и въ полномъ сознаніи своей силы, безсознательно поступалось русскими интересами во внѣшней и во внутренной политикѣ, оттого что *не знало* своего прошедшаго (вспомнимъ, какъ,

въ правленіе Паскевича, населеніе Холмской Руси безразлично смѣшиваемо было съ польскимъ населеніемъ, безсознательно предоставлялось ополячиванію и окатоличенію).

И вотъ великая заслуга московскаго Аксаковскаго кружка истинно-русскихъ людей: отъ нихъ въ первый разъ явственно и разумно услышало наше сбитое съ толку общество проповѣдь мудрости въ великомъ словѣ: «*познай самого себя,* углубись въ прошедшія судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой духъ въ его духѣ и свою силу почерпнешь изъ него». Слово это было необходимо, въ виду надвигавшейся съ Запада тучи *космополитизма* и *либерализма:* представителемъ его являлся въ той-же Москвѣ другой кружокъ западниковъ, кружокъ, изъ коего вышелъ и отъ коего отдѣлился впослѣдствіи *Герценъ.* То было критическое время, когда прививались передовымъ умамъ Россіи навѣянныя съ Запада идеи, разъѣдавшія органическое чувство любви къ *родному* краю, чувство патріотизма,—во имя отвлеченныхъ либеральныхъ началъ. То было время, когда Арнольдъ Рюге въ Германіи проповѣдывалъ,—что слѣдуетъ полагать основною цѣлью совсѣмъ не отечество, какъ-де говорили въ 1813 и 1815 году, а свободу, и что истинное отечество для ищущихъ свободы людей есть — *партія.*— Въ отпоръ этому фальшивому и тлетворному направленію Аксаковскій кружокъ воздвигалъ свою крѣпость здороваго русскаго патріотиче-

скаго чувства и разумнаго познанія земли Русской,— крѣпость, къ которой стали примыкать всѣ мыслящіе люди, сохранявшіе въ себѣ здравый инстинктъ русской природы.

Нечего останавливаться на увлеченіяхъ этой вѣры и этого ученія, увлеченіяхъ свойственныхъ всякой вѣрѣ и всякому ученію. То были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины *идеала,* для настоящаго устройства и для будущихъ судебъ ея. Немудрено, что, изслѣдуя и разъясняя отдѣльныя черты этого идеала, они нерѣдко обманывались, увлекались въ своихъ обобщеніяхъ, принимали мнимое за дѣйствительное, смѣшивали существенное съ несущественнымъ; но въ существѣ своемъ высоконравственный ихъ идеалъ есть и будетъ истиннымъ народнымъ идеаломъ земли Русской.

Къ этой-же основной мысли присоединялся другой *протестъ* — противъ формальнаго, канцелярскаго, высокомѣрнаго отношенія оффиціальнаго міра — къ живымъ потребностямъ и къ духовнымъ расположеніямъ народа. Оффиціальный міръ чиновничества зараженъ былъ и проникнутъ канцелярскою привычкою — дѣлать и рѣшать все посредствомъ мертвой бумаги, отписки и очистки, и этотъ обычай, простираясь на всѣ сферы управленія и суда, скрывалъ подъ собою массу несправедливостей, злоупотребленій и насилій надъ народной жизнью и бытомъ. Съ другой стороны, въ верхнихъ кругахъ управленія господствовало, при полномъ невѣ-

дѣніи страны и ея потребностей, стремленіе установлять легкимъ путемъ регламентаціи, носившей на себѣ слѣды того-же канцеляризма, порядки и правила всевозможныхъ отправленій народной и общественной жизни; при чемъ принимались во вниманіе готовыя формулы, взятыя изъ чужеземныхъ обычаевъ и законовъ: такіе пріемы носили громкое названіе *цивилизаціи.*— Противъ цивилизаціи такого рода ратовалъ всѣми силами Аксаковскій кружокъ и въ живой бесѣдѣ и въ литературѣ: борьба эта продолжается и донынѣ. Поверхностные умы объясняли и объясняютъ ее — національнымъ предразсудкомъ и узкимъ чувствомъ ненависти будто-бы къ нѣмцамъ; но разумные патріоты, принимающіе къ сердцу истинное благо отечества, понимаютъ и чувствуютъ, что кружокъ ратовалъ за правду и заслуга его въ этомъ отношеніи несомнѣнная.

Наконецъ — еще великое значеніе и великая заслуга этихъ людей состоитъ въ томъ, что они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности — съ вѣрой и съ православною Церковію. Въ обществѣ — до нихъ — это понятіе было смутно и шатко. Они почуяли сердцемъ и дознали живымъ опытомъ, въ исторіи Руси и въ бытѣ народномъ,— что въ народѣ (которому интеллигенція склонна присвоивать значеніе лишь грубой невѣжественной массы, подлежащей оживленію свыше),— въ народѣ хранится запасъ духовной силы и глубокой вѣры,—

Добрые, крѣпкіе сѣятели сошли съ поля; сѣмя, ими посѣянное, дастъ во время новые всходы. Явятся, безъ сомнѣнія, новые подвижники правды, для будущихъ поколѣній. Но въ настоящемъ поколѣніи грустное чувство объемлетъ душу москвича, когда онъ въѣзжаетъ въ родной свой городъ, въ древній Сіонъ свой, и между священными памятниками исторіи — видитъ повсюду обширное кладбище — всюду слѣды людей богатѣвшихъ духовною силой,— и такъ мало слѣдовъ живой силы вновь расцвѣтающей. Приходится все вспоминать дорогія имена съ молитвою. «Мать наша Сіонъ,— скажетъ человѣкъ,— вотъ такой-то и такой-то родился въ немъ. Боже, помяни ихъ во царствіи Твоемъ».

ходилось съ дѣломъ, и жизнь ихъ согласовалась съ тѣми началами, въ которыя они вѣровали. Они жили просто,—всѣ стояли внѣ оффиціальнаго міра и оффиціальныхъ почестей, и не заискивали оффиціальной поддержки, желая сохранить духовную независимость въ обществѣ, къ которому принадлежали,—они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своихъ потребностей; свободно обращаясь въ кругу образованнаго общества, цѣнившаго въ нихъ умъ, образованіе, чистоту и возвышенность мысли, они столь-же свободно и просто относились къ людямъ самаго простого званія и быта. Храня неизмѣнно вѣру въ истинныя начала русской жизни и русской исторіи, они не поступались никому ничѣмъ, въ чемъ полагали правду русской жизни и русской исторіи. Люди эти были въ извѣстномъ смыслѣ подвижниками великой идеи, и это, въ соединеніи съ несомнительною чистотою ихъ намѣреній и образа жизни, придавало имъ великую нравственную силу.

И всѣ-то они миновали, всѣ скончались, «не пріявше обѣтованія», въ виду обѣтованной земли, которую издали видѣли, и проповѣдывали. Одинъ оставался, одинъ преемникъ силы, наслѣдникъ преданія, хранитель завѣта предковъ,—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И его-то, послѣдняго, мы потеряли и оплакали.

Вскормленный такою семьей, принявъ изъ такого круга первыя юношескія впечатлѣнія, Иванъ Сергѣевичъ

попалъ прямо отсюда въ Петербургъ, въ стѣны училища правовѣдѣнія, въ рамки школьныхъ порядковъ, на торную дорогу служебной карьеры — и все время, пока онъ былъ тутъ, чувствовалъ себя неловко, точно на чужбинѣ. Но и здѣсь, посреди товарищей, явился онъ горячимъ поборникомъ самостоятельности — въ характерѣ, въ дѣятельности, въ наукѣ, въ литературѣ, — которая съ дѣтства манила его къ себѣ вкусомъ, пріобрѣтеннымъ изъ семейныхъ преданій.

Тотчасъ послѣ выпуска онъ переѣхалъ въ Москву, и уже не возвращался никогда на житье и на дѣятельность въ сѣверную столицу. Москва осталась для него на всю жизнь домомъ и центромъ его дѣятельности служебной, потомъ литературной, общественной и политической. Мысль его зрѣла и направленіе утверждалось посреди великихъ событій, коихъ онъ былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ. Мало по малу схоронилъ онъ всѣхъ старшихъ, и остался одинъ изъ своихъ, въ Москвѣ.

Пусть перечисляютъ другіе всѣ многообразныя занятія и всѣ литературные труды его. Всего драгоцѣннѣе была та нравственная сила, которая соединялась съ его именемъ и дѣйствовала, и на ближнихъ и на дальнихъ, во всѣхъ концахъ Россіи, и даже за ея предѣлами. Эта неисчислимая и не всегда сознаваемая сила — тѣмъ и драгоцѣнна, что помогаетъ множеству людей малосильныхъ держаться на ногахъ, возбуждая ихъ, ободряя ихъ, собирая ихъ къ одной мысли и къ одному стре-

мленію. Такую силу слабо сознаютъ и чувствуютъ, пока она дѣйствуетъ, но когда она исчезла, тогда становится явственно для каждаго, что она значила. Для многихъ лицъ оффиціальнаго міра — Иванъ Аксаковъ представлялся лишь отвлеченною величиною въ качествѣ издателя «Руси», иные съ ужасомъ говорили объ немъ, какъ о народномъ трибунѣ, опасномъ для государства, или съ любопытствомъ заглядывали на него какъ на московскую диковину. Но для Москвы, и для великаго множества простыхъ русскихъ людей, не знающихъ, куда дѣваться и на чемъ остановиться, посреди хаоса современныхъ явленій, теченій и вѣяній общественной и политической жизни, Иванъ Аксаковъ былъ живое лицо, на коемъ отдыхало взволнованное чувство, успокоивалась смятенная мысль, ощущалась нравственная опора, оживлялась надежда на лучшее, отражалось сіяніе русской правды во тьмѣ вавилонскаго разноязычія. Всякій чувствовалъ, подходя къ нему, что въ немъ нѣтъ лести и своекорыстія, что онъ ни теплъ, ни холоденъ, а *горитъ* огнемъ любви и негодованія — для истинныхъ интересовъ Русской земли и всего языка славянскаго. Русскій Галичанинъ и Сербъ и Болгаринъ несли къ нему свои печали о бѣдахъ и нуждахъ своего края, и простые русскіе люди шли исповѣдывать ему заботу о положеніи дѣлъ на Руси и ревность свою о правдѣ. Теперь идти покуда не къ кому, и многіе чувствуютъ себя осиротѣвшими.

Добрые, крѣпкіе сѣятели сошли съ поля; сѣмя, ими посѣянное, дастъ во время новые всходы. Явятся, безъ сомнѣнія, новые подвижники правды, для будущихъ поколѣній. Но въ настоящемъ поколѣніи грустное чувство объемлетъ душу москвича, когда онъ въѣзжаетъ въ родной свой городъ, въ древній Сіонъ свой, и между священными памятниками исторіи — видитъ повсюду обширное кладбище — всюду слѣды людей богатѣвшихъ духовною силой,— и такъ мало слѣдовъ живой силы вновь расцвѣтающей. Приходится все вспоминать дорогія имена съ молитвою. «Мать наша Сіонъ,— скажетъ человѣкъ,— вотъ такой-то и такой-то родился въ немъ. Боже, помяни ихъ во царствіи Твоемъ».

Николай Ивановичъ Ильминскій.

† 27-го декабря 1891 года.

1891 годъ оставилъ намъ много свѣжихъ могилъ, много пустыхъ мѣстъ въ рядахъ нашихъ:—сколько, по волѣ Божіей, взято изъ среды сильныхъ мужей, великихъ работниковъ на нивѣ Господней. Поминальная книга наша растетъ изъ года въ годъ, но, кажется, ни одинъ изъ прошлыхъ годовъ не прибавилъ къ ней столько именъ, какъ минувшій 1891 годъ.

И вотъ, наконецъ, на самомъ исходѣ года, взятъ у насъ послѣднимъ мужъ великой силы и великаго дѣла, Николай Ивановичъ Ильминскій. Немногіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ только директоромъ Казанской учительской семинаріи. Но имя

этого человѣка—родное и знакомое повсюду въ восточной половинѣ Россіи и въ далекой Сибири—тамъ тысячи простыхъ русскихъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину, тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца.

Когда будетъ написана правдивая исторія миссіонерства или, правильнѣе сказать, исторія христіанскаго просвѣщенія инородцевъ въ Россіи, она будетъ поистинѣ вѣрнымъ отраженіемъ особенностей русскаго духа и русской культуры. Въ ней издревле сіяютъ, возвеличенныя народомъ, имена святыхъ подвижниковъ—Стефана Пермскаго, Трифона Печенгскаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Исторія покажетъ, какъ просто и съ какою любовью къ инородцамъ и съ какимъ разумомъ совершали эти великіе мужи дѣло просвѣщенія, начиная съ изобрѣтенія азбуки, посредствомъ коей стремились они провесть свѣтъ вѣры и слова Божія, на родномъ языкѣ инородцевъ, въ сердца ихъ и въ разумъ.—Послѣ того, въ теченіе 17-го и 18-го столѣтій, миссіонерское дѣло въ Россіи окутано тьмою и пребываетъ въ застоѣ. Лишь со 2-й четверти 19-го столѣтія дѣло это оживаетъ, воскресаютъ преданія древняго миссіонерства и являются новые дѣятели инородческаго просвѣщенія на дальнихъ окраинахъ Россіи.—Иннокентій Алеутскій, Макарій Алтайскій, Діонисій Якутскій оживляютъ дѣло новымъ духомъ и

создаютъ новую школу работниковъ и подвижниковъ русскаго миссіонерства, полагая главнымъ его орудіемъ—языкъ и школу. Въ древней столицѣ царства Казанскаго, въ передовомъ пунктѣ Восточнаго края, образуется мало-по-малу ученый центръ для распространенія христіанской и русской культуры между инородцами и для изученія инородческихъ языковъ. Здѣсь-то Провидѣніемъ указано было мѣсто плодотворной дѣятельности Н. И. Ильминскаго.

Съ покоренія Казани началось обращеніе татаръ и инородцевъ въ православную вѣру—оно было въ массѣ лишь внѣшнее и обрядовое, не представляя въ началѣ и большихъ затрудненій, ибо въ ту пору мусульманство не утвердилось еще въ томъ краю сознательно, и народныя вѣрованія были смутныя и двойственныя, склоняясь къ шаманству болѣе, чѣмъ къ исламу. Съ тѣхъ поръ населеніе старокрещеныхъ инородцевъ оставалось въ коснѣніи невѣжества, не зная никакой вѣры, хотя приписано было къ Церкви православной, не понимая языка ея, не находя ея учителей и не зная школьнаго обученія. Заботы правительства объ утвержденіи вѣры ограничивались лишь внѣшними мѣрами предписаній, наградъ и наказаній. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, въ татарскомъ населеніи укрѣпилось магометанство съ выработаннымъ вѣроученіемъ, съ цѣлою организаціей духовнаго сословія и школъ при мечетяхъ; сталъ усиливаться духъ фанатической про-

паганды, подъ вліяніемъ связей и сношеній съ средне-азіатскими центрами ислама. Начались массовыя отпаденія старокрещеныхъ татаръ, по духу и обычаю не имѣвшихъ ничего общаго съ православною Церковью,— но и тѣмъ и другимъ связанныхъ съ бытомъ мусульманскаго населенія. Вслѣдъ за татарами пропаганда перенесла свое дѣйствіе и на другихъ инородцевъ—на чувашей, на черемисъ, на мордву. Массовыя отпаденія угрожали уже опасностью—поглотить все населеніе края въ мусульманской культурѣ и въ татарской народности.

Конечно, лишь отъ церкви и отъ церковной школы можно было ожидать противодѣйствія этому массовому, стихійному движенію инородцевъ.—Въ 60-хъ годахъ въ Казани былъ викаріемъ преосвященный Гурій, горячій ревнитель миссіонерскаго дѣла: по его мысли и его заботами открыто въ 1867 году Казанское братство св. Гурія, и тѣмъ началась, можно сказать, новая эпоха миссіонерства на Востокѣ. Это братство и стало, мало-по-малу, разсадникомъ новыхъ инородческихъ школъ. Но еще ранѣе того началась въ миссіонерскомъ противумусульманскомъ отдѣленіи при Казанской духовной академіи подготовительная работа къ этому дѣлу, при главномъ участіи Ильминскаго, бывшаго тогда преподавателемъ арабскаго и татарскаго языка, и Малова, преподававшаго противумагометанскую полемику. Ильминскій, горячая, ревностная душа, весь проникнутъ

былъ мыслью о главномъ орудіи миссіонерства—о языкѣ. «Чтобы преподаваемыя истины глубоко укоренились въ сознаніи простолюдина—такъ говорилъ онъ,—надобно войти въ его міросозерцаніе, принять его понятія за данное и развивать ихъ. Архаически простыя понятія инородцевъ могутъ быть ассимилированы христіанствомъ, наполниться и освятиться его божественнымъ содержаніемъ. Мышленіе народа и все его міросозерцаніе выражается на его родномъ языкѣ. Кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы только инстинктивно, міросозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ».

Невыразимая доброта, ласковость, искренность и простота Ильминскаго облегчали ему пути сношенія съ инородцами, и на первыхъ же порахъ пріобрѣлъ онъ главнымъ себѣ сотрудникомъ молодого татарина Василія Тимоѳеева, съ помощью коего принялся за исправленіе переводовъ. Прежніе ученые переводы литургіи и богослужебныхъ книгъ были совершенно непонятны и потому безполезны для народа. Ильминскій принялся переводить учительныя и учебныя книги языкомъ народнымъ и писать и печатать ихъ русскими буквами, чтобы не обязываться—какъ говорилъ онъ,—омусульманенному арабизму даже алфавитомъ. Съ букваремъ, съ книгой Бытія, съ премудростью Сираховой, съ пѣніемъ пасхальнаго канона, ученики

Ильминскаго и Малова стали ѣздить по деревнямъ — и народъ сталъ стекаться къ нимъ съ радостью. Первые удачные опыты стали распространяться дальше и дальше, а братство св. Гурія стало мало-по-малу распространять по всему краю сѣть народныхъ крещенотатарскихъ школъ. Дѣло двинулось и пошло впередъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

Во главѣ всѣхъ инородческихъ братскихъ школъ стала съ 1864 года, учрежденная Ильминскимъ, центральная крещенотатарская школа, мужская и женская, гдѣ всѣ почти преподаватели изъ крещеныхъ татаръ. Всѣ, имѣвшіе случай посѣщать эту школу и слышать въ церкви ея богослуженіе и пѣніе на татарскомъ языкѣ, выносили оттуда истинную, восторженную радость русскаго сердца о томъ, чего могутъ достигнуть русскіе люди, связуемые любовью. Душою этой школы былъ отъ начала до конца своей жизни Ильминскій, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, нынѣ уже старцемъ, Тимоѳеевымъ. Школа эта успѣла уже широко раскинуть свои вѣтви. Отъ нея пошло и утвердилось къ концу 1891 года 128 инородческихъ школъ по всѣмъ уѣздамъ Казанской губерніи; въ томъ числѣ 61 крещенотатарская, 49 чувашскихъ, 4 черемисскія, 7 вотяцкихъ и 1 мордовская: повсюду и ученье происходитъ и богослуженіе и пѣніе совершается на мѣстныхъ нарѣчіяхъ — и всюду трудятся птенцы Ильминскаго. Сколько внесли эти школы свѣта въ темную деревен-

смыслъ каждаго церковнаго слова. Изъ казанской переводческой коммиссіи вышла, въ теченіе 20 лѣтъ, цѣлая библіотека книгъ Священнаго Писанія, учительныхъ и учебныхъ на инородческихъ языкахъ: на татарскомъ, на якутскомъ, бурятско-тунгусскомъ, гольдскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, черемисскомъ, остяцко-самоѣдскомъ, киргизскомъ. Работа идетъ непрестанно, и ежегодно библіотека эта дополняется новыми выпусками. Къ сожалѣнію, работа эта, какъ и вообще вся исторія казанскихъ учрежденій, мало кому извѣстны и литература оставляетъ ихъ безъ вниманія, хотя нерѣдко упоминаетъ о миссіонерскихъ трудахъ въ Западной Европѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Альзасѣ, въ городѣ Мюльгаузѣ, почтенный реформатскій пасторъ Матьё устроилъ учрежденіе, подъ названіемъ *Библейскаго музея,* и началъ собирать туда со всей вселенной изданія Св. Писанія на всѣхъ возможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Услышавъ отъ кого-то, что и въ Россіи есть кое-какіе переводы на инородческіе языки, онъ обратился въ Россію за свѣдѣніями и пришелъ въ крайнее изумленіе, получивъ огромный ящикъ иноязычныхъ книгъ Св. Писанія, изданныхъ въ Казани:— имѣя самое превратное понятіе о нашей церковной жизни, лютеране не ожидали отъ насъ ничего подобнаго.

Родной свой языкъ, и особливо церковно-славянскій, Ильминскій любилъ глубоко, живо ощущая всѣ

передъ Россіей состоитъ въ томъ, что онъ уразумѣлъ и поддержалъ Н. И. Ильминскаго. Въ 1872 г. учреждена была въ Казани учительская семинарія и директоромъ ея назначенъ Ильминскій.

Въ вѣдѣніи братства и въ связи съ духовной академіей, учреждена, съ 1868 года, по мысли Ильминскаго, переводческая коммиссія для распространенія среди инородцевъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, на ихъ природныхъ языкахъ. Членами ея состояли — кромѣ самого Ильминскаго, проф. Миротворцевъ (для монгольскаго языка) и начальникъ симбирской школы Яковлевъ (для чувашскаго языка). И здѣсь душою дѣла былъ Николай Ивановичъ. Прежніе переводы священныхъ книгъ на инородческомъ языкѣ, изданные библейскимъ обществомъ, въ большинствѣ оказывались негодными: надлежало передѣлывать на языкъ понятный народу и издавать новые, тщательно провѣряя смыслъ каждаго слова, въ совокупномъ трудѣ съ людьми изъ народа и съ выведенными въ науку инородцами. Такъ еще прошлымъ лѣтомъ, проживая въ Геѳсиманскомъ скиту, Ильминскій вызвалъ къ себѣ трехъ якутовъ изъ Московской и Казанской академій, чтобы вмѣстѣ съ ними выправлять якутскій переводъ Новаго Завѣта. Обладая глубокимъ знаніемъ арабскаго и татарскаго языка, равно какъ и глубокимъ знаніемъ славянскаго и русскаго, Ильминскій съ необыкновенною тщательностью изслѣдовалъ, по корнямъ и по употребленію,

смыслъ каждаго церковнаго слова. Изъ казанской переводческой коммиссіи вышла, въ теченіе 20 лѣтъ, цѣлая библіотека книгъ Священнаго Писанія, учительныхъ и учебныхъ на инородческихъ языкахъ: на татарскомъ, на якутскомъ, бурятско-тунгусскомъ, гольдскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, черемисскомъ, остяцко-самоѣдскомъ, киргизскомъ. Работа идетъ непрестанно, и ежегодно библіотека эта дополняется новыми выпусками. Къ сожалѣнію, работа эта, какъ и вообще вся исторія казанскихъ учрежденій, мало кому извѣстны и литература оставляетъ ихъ безъ вниманія, хотя нерѣдко упоминаетъ о миссіонерскихъ трудахъ въ Западной Европѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Альзасѣ, въ городѣ Мюльгаузѣ, почтенный реформатскій пасторъ Матьё устроилъ учрежденіе, подъ названіемъ *Библейскаго музея,* и началъ собирать туда со всей вселенной изданія Св. Писанія на всѣхъ возможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Услышавъ отъ кого-то, что и въ Россіи есть кое-какіе переводы на инородческіе языки, онъ обратился въ Россію за свѣдѣніями и пришелъ въ крайнее изумленіе, получивъ огромный ящикъ иноязычныхъ книгъ Св. Писанія, изданныхъ въ Казани:— имѣя самое превратное понятіе о нашей церковной жизни, лютеране не ожидали отъ насъ ничего подобнаго.

Родной свой языкъ, и особливо церковно-славянскій, Ильминскій любилъ глубоко, живо ощущая всѣ

художественныя красоты его: онъ зналъ его въ совершенствѣ по древнимъ его памятникамъ. Книги Св. Писанія и богослужебныя церковныя зналъ онъ глубоко и тонко, вдумываясь въ значеніе каждаго слова, что́ и требовалось практикою переводческихъ работъ его. Интересна и поучительна была его бесѣда объ этихъ предметахъ: внутренній смыслъ каждой рѣчи и каждаго слова умѣлъ онъ освѣщать своею мыслью, глубоко проникавшею въ самый корень слова съ историческимъ его развитіемъ. Въ послѣдніе годы жизни издано имъ нѣсколько книжекъ, въ коихъ изложены опытныя его наблюденія надъ церковнославянскими формами и оборотами и изложены основанія, коими онъ руководствовался при переводахъ на инородческіе языки. Книжка его, немногимъ извѣстная, «О сравнительномъ достоинствѣ разныхъ редакцій ц.-сл. перевода Псалтири и Евангелія», исполнена остроумныхъ и драгоцѣнныхъ замѣчаній. Руководство его къ обученію церковно-славянской грамотѣ, составленное для церковно-приходскихъ школъ, выдержало уже нѣсколько изданій и не имѣетъ себѣ подобнаго въ практическомъ употребленіи. Наконецъ уже въ самое послѣднее время изданъ имъ древне-славянскій текстъ четвероевангелія, составленный по соображенію всѣхъ древнѣйшихъ списковъ.

Мусульманскій міръ зналъ онъ въ совершенствѣ и близко знакомъ былъ съ его литературою, древнею и

у своихъ единовѣрцевъ. Этотъ замѣчательный случай доставилъ истинную радость Ильминскому: въ обращеніи Ахмерова онъ видѣлъ настоящій, прочный и живой зародышъ миссіонерскаго дѣла, какъ органическаго процесса, къ которому предыдущая 40-лѣтняя жизнь миссіонерскаго отдѣленія академіи, какъ противумусульманскаго, служила подготовкой.

Будучи русскимъ и церковнымъ человѣкомъ, Ильминскій всей душою радовался возстановленію церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ справедливо видѣлъ единственное и могучее средство привязать народъ къ школѣ и воспитать его въ здравомъ духѣ русскаго человѣка, въ любви къ церкви и къ отечеству и въ добрыхъ нравахъ и вкусахъ. Онъ ревностно примкнулъ къ начавшемуся движенію и сталъ въ число членовъ Синодальнаго Училищнаго Совѣта: своею педагогическою опытностью онъ много содѣйствовалъ правильному устройству школьнаго дѣла, и въ своихъ «Бесѣдахъ о народной школѣ» (Петербургъ 1889 г.) оставилъ школѣ драгоцѣнные завѣты здравой христіанской педагогіи.

Письменныя его сношенія были многочисленныя и переписка его представляетъ особый интересъ: онъ не писалъ попустому, но постоянно по предметамъ ученой или практической нужды. Но каждое дѣло, о которомъ писалъ, онъ освѣщалъ всегда историческими его данными и своими соображеніями о лицахъ и о пред-

народа, почерпнувшіе въ средѣ раскольничьей знаніе тѣхъ путей, по коимъ движется мысль народная въ книжной мудрости, и свыкшіеся съ міровоззрѣніемъ народнымъ. Любопытный и единственный въ своемъ родѣ примѣръ полемики этого рода въ послѣднее время представляли бесѣды, за которыми слѣдилъ съ живымъ интересомъ покойный Ильминскій, бесѣды протоіерея Малова съ молодымъ ученымъ муллою Ахмеровымъ, человѣкомъ пытливаго ума и глубокаго знанія мусульманскихъ наукъ. Эти бесѣды, начавшись съ 1882 года, велись въ теченіе 8 лѣтъ непрерывно и систематично, о Коранѣ и Библіи, о пророкахъ, упоминаемыхъ въ Коранѣ, т. е. объ Адамѣ, Авраамѣ, Моисеѣ и Давидѣ, объ Іисусѣ Христѣ и Магометѣ. Часть этихъ бесѣдъ издана была въ 1885 году въ Казани, подъ заглавіемъ «Объ Адамѣ по ученію Библіи и по ученію Корана». Книга эта весьма любопытна тѣмъ именно, что показываетъ, какія трудности предстоятъ миссіонеру, особливо противумусульманскому, и съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ онъ долженъ останавливаться на всякой — мертвой повидимому, буквѣ, которая составляетъ живой элементъ вѣрованія въ душѣ его собесѣдника. Ахмеровъ держался восемь лѣтъ крѣпко и возражалъ находчиво, но въ концѣ 1890 года обнаружился въ немъ крутой поворотъ отъ Корана къ Евангелію. Вскорѣ онъ и рѣшился покинуть медресу, и разстаться съ почетомъ, которымъ пользовался

у своихъ единовѣрцевъ. Этотъ замѣчательный случай доставилъ истинную радость Ильминскому: въ обращеніи Ахмерова онъ видѣлъ настоящій, прочный и живой зародышъ миссіонерскаго дѣла, какъ органическаго процесса, къ которому предыдущая 40-лѣтняя жизнь миссіонерскаго отдѣленія академіи, какъ противумусульманскаго, служила подготовкой.

Будучи русскимъ и церковнымъ человѣкомъ, Ильминскій всей душою радовался возстановленію церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ справедливо видѣлъ единственное и могучее средство привязать народъ къ школѣ и воспитать его въ здравомъ духѣ русскаго человѣка, въ любви къ церкви и къ отечеству и въ добрыхъ нравахъ и вкусахъ. Онъ ревностно примкнулъ къ начавшемуся движенію и сталъ въ число членовъ Синодальнаго Училищнаго Совѣта: своею педагогическою опытностью онъ много содѣйствовалъ правильному устройству школьнаго дѣла, и въ своихъ «Бесѣдахъ о народной школѣ» (Петербургъ 1889 г.) оставилъ школѣ драгоцѣнные завѣты здравой христіанской педагогіи.

Письменныя его сношенія были многочисленныя и переписка его представляетъ особый интересъ: онъ не писалъ попустому, но постоянно по предметамъ ученой или практической нужды. Но каждое дѣло, о которомъ писалъ, онъ освѣщалъ всегда историческими его данными и своими соображеніями о лицахъ и о пред-

метахъ. Изъ массы матеріала, оставшагося въ его распоряженіи, онъ выдѣлялъ иногда бумаги, относившіяся къ исторіи учрежденія или дѣятеля, и издавалъ ихъ отдѣльно:—эти изданія, несмотря на свою спеціальность, очень интересны. Такъ въ 1884 году, изданы имъ отдѣльною книгой матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Здѣсь собрана вся происходившая съ 1863 года переписка по этому важному дѣлу, статьи самого Ильминскаго, разсказы и записки старокрещеныхъ татаръ и т. под. Уже въ самомъ концѣ своей жизни, на смертномъ одрѣ, принялъ онъ изъ печати послѣднее свое изданіе—біографію дѣятеля изъ инородцевъ Алтынсарова, съ относящеюся къ нему перепиской. Частныя письма Ильминскаго приносили всегда отрадное ощущеніе друзьямъ его. Бывало, вставъ, откроетъ книгу, нападетъ на псаломъ, и проснется его филологическое чутье и заговоритъ въ немъ поэтическое чувство—и сейчасъ напишетъ изъясненіе того или другого слова, со всею его исторіей, или нарисуетъ поэтическую картину природы, раскрывая смыслъ вдохновенной рѣчи пророка. Или остановивъ вниманіе на словѣ церковной молитвы, освѣтитъ по источникамъ славянскимъ и греческимъ ея происхожденіе, ея смыслъ грамматическій и историческій. Напишетъ и пошлетъ одному изъ сочувственныхъ друзей своихъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ. «Сегодня, при восходѣ солнца, вдругъ мнѣ

пришли на память слова 103 псалма: на тыхъ птицы небесныя привитаютъ. Что за форма *на тыхъ?* Если предложный (мѣстный) падежъ, слѣдовало бы *на тѣхъ*. Справляюсь съ древнимъ псалтыремъ по изданію преосвященнаго Амфилохія, оказывается — *на ты*... винительный падежъ. Связь рѣчи: стих. 10. Посредѣ горъ пройдутъ воды (ὕδατα)... на ты (т. е. на воды-то) птицы небесныя привитаютъ (κατασκηνώσει), т. е. сверху, съ воздуха или съ горъ-то спускаются и гнѣздятся небесныя пташки. Отъ среды каменія дадятъ гласъ. Какая картина! Въ ущельяхъ межъ скалъ и утесовъ (какъ напримѣръ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ) протекаютъ ручьи, на нихъ могутъ рости кусточки. И вотъ пташки (пѣвчія) заводятъ въ этихъ кустахъ гнѣзда и поютъ себѣ на привольи, и далеко по ущельямъ и скаламъ разносятся ихъ голоса. Отъ среды каменія — ἐκ μέσου τῶν πετρῶν. По этому поводу я, по симфоніи, пріискалъ всѣ мѣста, гдѣ слово камень. Всѣхъ мѣстъ въ Псалтири 18, — изъ нихъ 5 — камень λίθος: паче злата и камене честна. Вѣнецъ отъ камене честна. Да не преткнеши о камень ногу твою. Благоволиша раби твои каменіе. Камень, егоже небрегоша зиждущіи. — Остальныя 13 — πέτρα, скала. На камень вознесе мя. Изведе воду изъ камене, и проч.

Міръ человѣческій — та же вселенная, и тоже держится силою тяготѣнія. Избранная душа съ глубокимъ

чувствомъ благожеланія, съ горячимъ стремленіемъ къ правдѣ въ жизни—тоже свѣтило, силою коего держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ, ибо дѣйствіе одной души на другую безгранично и безконечно. Такимъ свѣтиломъ былъ въ кругу своемъ незабвенный Николай Ивановичъ. Это былъ поистинѣ учитель въ высшемъ значеніи слова, свѣтильникъ, отъ котораго многіе огни загарались яснымъ свѣтомъ. Ученики его во множествѣ разошлись, имъ наученные и направленные, по дальнему Востоку учителями, священниками, діаконами инородческихъ мѣстностей; изъ глубины пустынь оренбургскихъ, иркутскихъ, алтайскихъ, якутскихъ отзывались сочувственные голоса на зовъ его, къ нему обращались за совѣтомъ и одушевленіемъ—не именитые, не знатные, не богатые, но тѣ «малые и простые», кои работаютъ по темнымъ угламъ, проливая свѣтъ посреди мрака, холода и невѣдѣнія. Не было въ этихъ углахъ нужды, на которую онъ не отзывался бы, не было бѣды и горя, коему онъ не сострадалъ бы. Сущіе простецы инородцы несли къ нему свои бытовыя нужды,—и не разъ въ простыхъ нуждахъ, мимо коихъ другой прошелъ бы съ пренебреженіемъ, отстаивалъ онъ ихъ и помогалъ имъ ходатайствами своими въ губерніи и въ столицѣ.

Другой такой ясной и чистой души не приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни: отрадно было смотрѣть въ глу-

бокіе, добрые и умные глаза его, свѣтившіе въ душу внутреннимъ душевнымъ свѣтомъ, а бесѣда его была ни съ чѣмъ несравненная, всегда съ солью, всегда въ простотѣ чуждой всякой аффектаціи, но исполненной поэтическихъ образовъ. Когда онъ говорилъ о Священномъ Писаніи, особливо о псалмахъ, которые любилъ особенно, о богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ—какъ оживлялось лицо его, какимъ свѣжимъ ключомъ лилась изъ устъ его рѣчь, исполненная глубокихъ философскихъ и филологическихъ сближеній, поэтическихъ образовъ, картинъ изъ природы. Когда онъ разсказывалъ,—сколько было въ его разсказахъ того тихаго, добраго юмора, безъ котораго рѣдко обходится добрая русская душа. Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково съ людьми всякаго общественнаго положенія, и самымъ простымъ и бѣднымъ онъ былъ столь же легокъ и пріятенъ какъ начальственнымъ и знатнымъ. Притомъ никогда и ни въ чемъ не слышалось въ немъ ничего похожаго на какую-либо претензію: все достоинство простоты соединялось въ немъ со всею ея скромностію. Посреди всяческой суеты, превращающей нерѣдко шумную городскую дѣловую жизнь—въ пустыню умственную и нравственную, какъ бывало отрадно отдыхать на этомъ оазисѣ глубокой мысли и горячаго чувства, который образовался всюду около Николая Ивановича. Мудрено ли, что дѣйствіе этой души

на всѣхъ знавшихъ ее было неотразимо и благодѣтельно.

Вслѣдствіе такихъ свойствъ своей природы, Ильминскій былъ и идеальнымъ педагогомъ. Онъ относился недовѣрчиво, иногда отрицательно, къ новѣйшимъ теоріямъ, возводимымъ въ обычный нынѣ всюду «курсъ педагогіи», читаемый нерѣдко кѣмъ попало, по кое-какимъ книжкамъ. Самъ онъ обладалъ самымъ существеннымъ секретомъ всякой истинной педагогіи— умѣньемъ *войти въ душу человѣка*, съ ея міросозерцаніемъ, привычками и наклонностями. Къ нему можно было примѣнить слово апостола: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу*. Не разъ, при видѣ его, вспоминалась мнѣ по этому поводу читанная мною прекрасная, глубокаго смысла притча персидскаго поэта Джелалледина: «Нѣкто, подойдя къ дверямъ возлюбленнаго, сталъ стучаться, и голосъ послышался изнутри: Кто тамъ? Это я,—отозвался стучавшій. «Нѣтъ мѣста двоимъ въ этомъ домѣ», отвѣчалъ голосъ, и двери не отворились. Тогда пошелъ человѣкъ съ желаніемъ своимъ въ пустыню, сталъ поститься и молиться въ уединеніи, и опять пришелъ черезъ годъ къ дому, и опять сталъ стучаться. «Кто тамъ?» послышался голосъ. Ты самъ, отвѣчалъ стучавшій,—и отворилась ему дверь».

Неутомимо дѣятельный, несравненно заботливый, онъ оставался таковымъ до послѣдняго дня своей

жизни. Въ послѣдніе два года, примѣтно ослабѣвая, онъ сталъ усиленно думать о кончинѣ. Въ мартѣ 1890 года онъ писалъ: «Дѣлайте, дондеже день есть: придетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати. Эта нощь, вопреки нощи естественной, приходитъ яко тать, внезапно: нельзя ручаться ни за годъ, ни за день, ни даже за минуту. Внезапная кончина N. вперила мнѣ неожиданность конца. Теперь это острое чувство сгладилось, но, все-таки, близость конца несомнѣнна, когда жизнь приближается къ псаломскому термину. Тѣмъ сильнѣе забота — сдѣлать что можно, пока день есть. Если смерть неизбѣжна, то и слѣдуетъ ей покориться съ вѣрою и упованіемъ на милость Божію. Но вотъ что предупредительно возвѣщаетъ Псалмопѣвецъ: изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его. Бренное тѣло не большая важность: — дороги помышленія, идеи, изъ-за которыхъ люди бьются. Въ данномъ случаѣ помышленіе — какъ бы упрочить христіанское просвѣщеніе инородцевъ способами испытанными, спеціальными, противъ которыхъ къ сожалѣнію не мало людей возражающихъ». Такъ онъ милосердовалъ и заботился о своихъ любезныхъ инородцахъ.

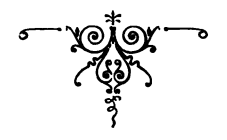
Въ 1891 году ему исполнилось 69 лѣтъ. Въ этотъ день, 23-го апрѣля, онъ писалъ: «Еще годъ и достигну предѣла, назначеннаго пророкомъ Давидомъ. Предѣлъ

наименьшій, но для моей немощи и это великая милость Божія, а что выдастся послѣ, то будетъ трудъ и болѣзнь. Но за все да будетъ благодареніе Господу Богу, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ. Сказать ли: обновится яко орля юность моя? Трудно, хотя для Господа все возможно».

Не обновилась юность его. На лѣто друзья Николая Ивановича, чтобъ освѣжить его, вызвали его въ Петербургъ и въ Москву, гдѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль въ тихомъ пріютѣ Геѳсиманскаго скита близъ Троицкой лавры. Но затѣмъ, по возвращеніи въ Казань, обнаружился рѣшительный упадокъ силъ его—и ему суждено было еще проводить со слезами въ могилу двухъ ближнихъ друзей своихъ и сотрудниковъ (тоже крѣпкую силу духовной академіи), профессоровъ Порфирьева и Миротворцева. Онъ сталъ угасать, но не переставалъ думать и работать—приводить въ порядокъ начатыя дѣла, завѣщать друзьямъ своимъ сердечныя свои заботы о дѣлахъ и людяхъ. Посреди тяжкой болѣзни (ракъ) Богъ сохранилъ еще ему до послѣднихъ дней и свѣтлый умъ и ясную мысль и спокойствіе духа. И наконецъ, дождавшись праздника, но не дождавшись и псаломскаго предѣла, 27-го декабря, онъ тихо угасъ, съ завѣтомъ любви ближнимъ и друзьямъ своимъ, русскимъ и инородцамъ.

Вѣчная ему память! Онъ въ числѣ немногихъ мужей силы и правды, проповѣдниковъ истины, о коихъ

невольно хочется повторить вдохновенныя слова апостола: «въ чистотѣ, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благости, въ любви нелицемѣрнѣ, въ словеси истины, въ силѣ Божіей, въ оружіи правды десными и шуими... яко скорбяще, присно же радующеся, яко нищи, а многи богатяще, яко ничтоже имуще, но вся содержаще».

Великая Княгиня Екатерина Михаиловна.

† 30-го апрѣля 1894 года.

Память Ея да будетъ съ похвалами. Принадлежа къ числу великихъ міра сего, живя среди роскоши и величія, Она никакъ не хотѣла быть праздною и оставила по себѣ память добраго намѣренія, чистой мысли и добраго дѣланія.

Дочь знаменитой матери, Великой Княгини Елены Павловны, Она воспиталась съ дѣтства въ ясной атмосферѣ возвышенныхъ чувствъ и возвышенныхъ интересовъ; въ особливой средѣ, гдѣ привыкли цѣнить умъ, чистое художество, серьезную мысль и всякую дѣятельность просвѣтительную и благотворительную,— гдѣ твердо укоренилась мысль о долгѣ, соединенномъ съ призваніемъ и величіемъ власти.

Чистая и глубокая любовь ввела Ее въ счастливое супружество съ Герцогомъ Мекленбургскимъ. Въ полнотѣ семейнаго счастія, новый домъ Свой устроила

Она, слѣдуя преданіямъ, унаслѣдованнымъ отъ матери, и, подобно Ей, явилась и при Ней, и особливо по кончинѣ Ея, во главѣ гостепріимнаго дома, привлекавшаго къ себѣ изъ общества лучшія силы ума, образованія и таланта. Привлекались онѣ изяществомъ вкуса, чуткостью духовныхъ интересовъ, любознательными запросами о предметахъ науки и блага общественнаго, завѣтными преданіями стараго Михайловскаго Дворца— и, наконецъ, простотой и достоинствомъ благосклоннаго обхожденія со всѣми, кто приближался къ Великой Княгинѣ.

Знамя достоинства, подобающаго русской Великой Княгинѣ, держала Она твердо, охраняя исконныя преданія Царскаго рода, къ коему принадлежала, и той эпохи, которая воспитала Ее.

По кончинѣ Великой Княгини Елены Павловны, къ дочери перешла забота о всѣхъ благотворительныхъ, воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ, которыми завѣдывала Усопшая, и которыя возникли по мысли Ея и подъ Ея покровительствомъ. Этой заботѣ предалась Она всею душой, не покидая ея, можно сказать, ни днемъ, ни ночью. Добросовѣстность Великой Княгини во всемъ, за что̀ Она принималась, была по истинѣ замѣчательна и могла бы служить для всѣхъ примѣромъ. Она не хотѣла, казалось, ни на одинъ часъ отдыхать, оставаться безъ дѣла, и весь день Ея наполненъ былъ, въ строгомъ порядкѣ, разными занятіями:

пріемами, докладами, музыкой, живописью, чтеніемъ, посѣщеніемъ учебныхъ заведеній, больницъ, пріютовъ. Къ обѣду всякій день приглашалось нѣсколько лицъ, уважаемыхъ хозяйкою или извѣстныхъ Ей своею дѣятельностью въ наукѣ, въ искусствѣ, въ администраціи. Когда пріѣзжалъ въ Петербургъ иностранный ученый, художникъ, докторъ, государственный человѣкъ, извѣстный своею дѣятельностью, Великая Княгиня считала долгомъ пригласить его къ Себѣ, разспросить его, явить ему русское и княжеское гостепріимство. Вечеръ Свой въ семейномъ кругу посвящала Она бесѣдѣ со старыми друзьями Михайловскаго Дворца, которыхъ приглашала къ Себѣ. Отъ времени до времени устраивала Она у Себя концерты и праздники, которые надолго останутся въ памяти общества, собиравшагося на эти вечера, отличавшіеся особеннымъ изяществомъ выбора, устройства и исполненія...

Когда собирались въ Петербургъ на съѣзды или конгрессы иностранные ученые и врачи,—Великая Княгиня считала Своимъ долгомъ открывать для нихъ широко и роскошно двери Дворца Своего и оказывать имъ вниманіе, дорого всѣми цѣнимое. Обладая значительными средствами, Она не щадила ихъ на такое широкое гостепріимство, считая это долгомъ представительства, свойственнаго Ея званію.

На лѣтнее время Великая Княгиня переѣзжала сначала на Каменный Островъ, потомъ въ Ораніенбаумъ,

но и здѣсь не останавливался ежедневный ходъ Ея дѣятельности: попрежнему продолжались и отсюда посѣщенія классовъ, школьныхъ экзаменовъ и больницъ; а въ Ораніенбаумѣ каждое утро посѣщала Она пріютъ, устроенный Ею для больныхъ дѣтей, которыхъ свозили туда на лѣто изъ столичныхъ дѣтскихъ больницъ.

Такъ протекла и мирно пресѣклась жизнь Ея, исполненная горячаго, непрестаннаго желанія, направленнаго къ добру и непрестанной заботливой о добрѣ дѣятельности.

Да будетъ Ей вѣчная память! Для всѣхъ насъ жизнь Ея служитъ примѣромъ вѣрности долгу призванія, всѣхъ учитъ не оставлять, ради покоя, дѣло, ввѣренное намъ Провидѣніемъ и служить ему всѣми силами до конца жизни.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕМУ

20-го октября 1894 года

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Прощаніе Москвы съ Царемъ своимъ.

31-го *октября 1894 года.*

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ тоской и рыданіемъ ждала Москва Царя своего. И вотъ, наконецъ, *взяшася врата плачевная,* Онъ здѣсь, посреди насъ, бездыханный, безмолвный, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ являлся намъ вѣнчанный и превознесенный, во всей красѣ Своей, и душа умилялась на Него глядя, и мы плакали отъ умиленія радостными слезами. Нынѣ на томъ же мѣстѣ плачемъ и рыдаемъ, помышляя смерть!

Страшно было вступленіе Его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и Онъ воспрянулъ оживить надежды народа. Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь Его, но взоры Его были краснорѣчивѣе рѣчей, ибо привлекали

къ себѣ душу народную: въ нихъ сказывалась сама тихая и глубокая и ласковая народная душа, и въ голосѣ Его звучали сладостныя и ободряющія сочувствія. Не видѣли Его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ Его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія. Таковъ, самъ собою, выросъ образъ Его предъ народомъ, предо всею Европой и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ Нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды.

Не забудетъ Москва лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день Пасхальный. Тутъ, казалось, Онъ и Его Россія глядѣли другъ другу въ очи, лобзая другъ друга. Благочестивый Царь, облеченный всѣмъ величіемъ сана и священія церковнаго, являлъ Своему народу *въ церкви* и все величіе Своего царственнаго *смиренія*. Не забыть той минуты, когда сіялъ на челѣ Его царскій вѣнецъ, и передъ Нимъ, колѣнопреклоненная, принимала отъ Него вѣнецъ Царица,— Она, обреченная Ему какъ залогъ любви, на одрѣ смертномъ, умирающимъ братомъ. Съ того самаго дня полюбилъ Ее народъ, увѣровавъ въ святость благословеннаго Богомъ союза, и когда Они являлись народу, неразлучные, вмѣстѣ, въ Его и въ Ея взорахъ чуялъ одну и ту же ласку любящей русской души.

И вотъ явился гробъ Его въ сердцѣ Россіи, въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ, подъ коими почіютъ начальные вожди Земли Русской. Кого изо всѣхъ уподобить Ему! Всѣхъ ихъ оплакалъ въ свое время сиротствующій народъ, оплакалъ и тишайшаго царя Алексѣя... Но надъ кѣмъ были такія слезы! Надъ кѣмъ такъ скорбѣла и жалилась душа народная!

Проводила Его Москва, проводила на вѣки, и желѣзный конь унесъ Его далеко, въ новую Усыпальницу Царей Русскихъ. Прощай, возлюбленный Царь нашъ! Прощай, Благочестивый, милый народу, *тишайшій* Царь Александръ Александровичъ!.. Господь даровалъ намъ Твое тринадцатилѣтнее царствованіе... И Господь отъятъ! Буди Имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

Рѣчь въ засѣданіи Историческаго Общества.

6-го апрѣля 1895 года.

Человѣкъ дѣлаетъ исторію; но столь же вѣрно, и еще болѣе значительно, что исторія образуетъ человѣка. Человѣкъ можетъ узнать и объяснить себя не иначе какъ всею своею исторіей. Духъ человѣческій, съ первой минуты бытія, неудержимо, непрерывно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущеніе выразить, воплотить въ дѣйствіи,— и вся эта энциклопедія событій и дѣйствій составляетъ жизнь человѣческую. Въ этомъ смыслѣ жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собой логическою связью причины и дѣйствія, въ то же время есть таинство души: есть событія въ жизни, которыя роковымъ, таинственнымъ образомъ дѣйствуютъ на чуткую душу, опредѣляя стремленія, волю, характеръ и всю судьбу человѣка.

Но человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа: кость отъ костей, плоть отъ плоти

своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія, своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная. Въ исторической наукѣ пытливый умъ, критически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлить точную достовѣрность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ общественной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критическаго ума, искусствомъ художника; по старинному выраженію, исторія учительница народовъ, гражданъ и правителей,—но кому изъ нихъ пошли въ прокъ ея уроки? Кто, закрывая книгу, овладѣвшую всѣмъ его вниманіемъ, не ощущалъ въ душѣ горькаго сознанія, что предъ нимъ открывалась старая, какъ міръ, лѣтопись человѣческой гордости, эгоизма, жестокости и невѣжества, свитокъ, въ которомъ написаны «жалость и рыданіе и горе»?

Въ иномъ, болѣе глубокомъ, смыслѣ, исторія земли и народа *образуетъ* человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ, всякій ха-

рактеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что̀ умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое получаетъ смыслъ явленія, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истиной для духа. Чего бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ,—для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго, незабвеннаго Государя, котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ Обществѣ, Имъ основанномъ. Душа Его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа своей земли и своего народа.

Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, наслѣдника престола, можно сказать *въ тѣни Его,* питая Свою душу дружбой съ Нимъ, воспринимая отъ Него впечатлѣнія и вкусы Его умственнаго и нравственнаго развитія. То

были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ обществѣ, но близъ Цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь Его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа и въ его литературѣ. Таковы были Ѳ. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ братьевъ и интересъ ихъ къ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ Своихъ по Россіи, изо дня въ день одушевляемый встрѣчавшимъ Его повсюду народнымъ движеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ Свой и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности. Успѣлъ узнать и полюбить природу коренного русскаго края, столь сродную русскому духу. Душа Его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому брату Онъ передавалъ Ему Свои ощущенія.

Насталъ 1865 годъ. Онъ принесъ Россіи страшное горе—Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую ея надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался—и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному Брату, передавъ Ему и всѣ завѣты юной души Своей.

Нежданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и Онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на Него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души Своей *повѣрилъ Богу* судьбу Свою и

Россіи. Нынѣ и Его, по волѣ Божіей, оплакивая, мы видимъ, чувствуемъ, какъ до конца оправдалась эта вѣра.

Съ этого дня, до вступленія на престолъ въ 1881 году, Онъ зрѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе Его на царство. Эти годы были для Него поистинѣ годами воспитанія, и оно совершалось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа Русскаго и Русскаго государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ Его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ Немъ, какъ во многихъ русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первое движеніе любви къ отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ Онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы Своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ открыли Ему внутренній смыслъ русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собиравшее землю государство съ противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться съ умными русскими людьми, и Онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ Немъ та чуткость къ русскимъ интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ въ силѣ истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые Онъ изучалъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для Него предметомъ

особливаго интереса, и Онъ ощущалъ тонко ту своеобразную красоту линій и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ Онъ къ Своему разсмотрѣнію всѣ проекты новыхъ церковныхъ сооруженій, и глазъ Его съ удивительною вѣрностью различалъ все что̀ въ отдѣльныхъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонію или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ Его отражался лучшими привлекательными чертами тотъ образъ великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣвшихъ близко съ нимъ ознакомиться. И въ людяхъ и въ учрежденіяхъ Ему было противно все искусственное напускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ Нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ Русскимъ Государемъ.

И для отдѣльнаго человѣка, и для народа, и для общества—всю цѣну *исторіи* составляетъ *самосознаніе*. И отдѣльный человѣкъ, и народъ—представляемый властью—познаетъ себя въ своей исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Сто́итъ сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи—начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ Императоровъ—Александра I и Александра III. Первый Александръ тоже любилъ Россію и народъ Свой,—но Его воспитаніе не дало Ему возможности узнать ни исторію страны Своей, ни народъ

Свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ *подлыхъ* людей, и сверху мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чуждаго намъ быта; когда на самую Церковь смотрѣли сверху какъ на учрежденіе необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ римскому культу просвѣщеннаго Запада. И умъ, и сердце неудержимо влекли молодого Государя къ возвышенной цѣли — править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предразсудка. Но идеалъ, къ которому примѣнялись Его стремленія и планы,— былъ не въ Россіи, а *внѣ ея*. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ Онъ отвлеченный идеалъ Свой, а русская исторія, русская дѣйствительность была Ему закрыта и представлялась чистымъ полемъ, на которомъ можно строить что̀ угодно. Окруженный плеядой юныхъ совѣтниковъ, Онъ заодно съ ними погружался въ мечтанія: не зная натуры народа и его потребностей, мечталъ о представительномъ правленіи, долженствовавшемъ будто бы водворить разумъ и правду въ правительствѣ;— не зная Церкви Православной въ ея народномъ значеніи,— мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣро-

ученій; мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы Ему, что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего Русскаго народа.

Съ этого времени до вступленія на престолъ Императора Александра III протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить, сколько сдѣлало успѣховъ, какъ выросло русское историческое самосознаніе,—и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности Цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнародовано множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія и характеры, въ литературѣ и въ обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ.

Въ Москвѣ собрался кружокъ культурно образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самосознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего народа; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему что̀ касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Это были люди, искавшіе въ прошедшемъ

своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности съ вѣрой и съ Православною Церковью. Независимо отъ крайностей ученія,—слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринерства: вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчеву, не могъ не сочувствовать ему чуткимъ русскимъ сердцемъ, любящимъ народъ Свой и землю, и жаждущимъ правды и прямого дѣла для земли Своей.

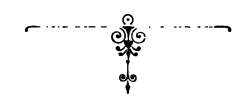
Посреди такихъ явленій и воздѣйствій возросталъ и образовался будущій Императоръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ выростала и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ Него, оправдавшаяся въ теченіе всего 13-лѣтняго Его царствованія. Для крѣпости правленія нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ своего правителя, ибо все держится *на вѣрѣ*. Что̀ бы ни случилось,—всѣ знали и были увѣрены, на что̀, въ важныхъ случаяхъ государственной жизни, дастъ Онъ отрицательный и на что̀ положительный отвѣтъ изъ Своей русской души. Всѣ знали, что не уступитъ Онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго, интереса ни на польской ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ Онъ въ душѣ Своей одну съ народомъ вѣру

и любовь къ Церкви Православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа,—наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ Онъ въ непоколебимое значеніе власти Самодержавной въ Россіи, и не допуститъ для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній.

Когда мы теряемъ ближняго, любимаго человѣка, мы не думаемъ спрашивать: *что онъ сдѣлалъ,*—мы только ощущаемъ, *чѣмъ онъ былъ,*—и для насъ всего дороже, всего ощутительнѣе живой его образъ, со всею окружавшею его нравственною атмосферой, все что̀ отъ него исходило къ намъ и держало въ насъ ту гармонію жизни, которую, съ кончиной его, мы утратили. И кажется въ эту минуту—его нѣтъ—какъ намъ жить безъ него? Такимъ-то чувствомъ дрогнулъ весь народъ Русскій, пораженный вѣстью, что отошелъ отъ насъ Царь Александръ III. Душа народная слилась съ Его душой и, утративъ Его, сама растерялась. Чувство это живо и понынѣ. Кто хочетъ уловить его, и ощутить его, и слиться съ нимъ—пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ и на эту орошенную слезами могилу—и увидитъ, какъ и нынѣ, и завтра наполняетъ его, торжественно, съ утра до вечера, тихою молитвой, безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

DK 188.3 .P6 C.1
Viechnaia pamiat'
Stanford University Libraries
3 6105 036 771 603
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY
STANFORD, CALIFO
94305

